

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

КОНКУРЕНЦИЯ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
30 ноября 2024 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Неумывакин Павел Иванович

к.э.н., исполнительный вице-президент
Ассоциации российских банков

Волков Михаил Владимирович

первый заместитель председателя правления
Прио-Внешторгбанка (г. Рязань)

Мехтиев Эльман

генеральный директор
Ассоциации развития финансовой грамотности
(АРФГ)

Воронин Борис Борисович

эксперт, автор канала
«Борис Воронин. О кредитах и долгах понятно»

Надмитов Александр Намсараевич

управляющий партнер
ООО «Юридическая фирма
«Надмитов, Иванов и Партнеры»,
эксперт Международного центра
конкурентного права и политики
БРИКС НИУ «Высшая школа экономики»

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Конкуренция на финансовом рынке

Материалы заседания 30 ноября 2024 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2026

УДК [336.76:339.137.2](470+571)(063)

ББК 65.262.1(2Рос)я431

К64

Конкуренция на финансовом рынке : материалы заседания 30 ноября 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М. : ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 133 с. – ISBN 978-5-6054924-4-3

Конкуренция служит необходимым условием успешного развития финансового рынка и, в частности, банковского сектора. Она выгодна всем независимым участникам рынка и является важнейшей составляющей любой рыночной экономики.

В сборнике анализируются состояние, проблемы и методы конкуренции, влияние на нее современных технологий, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию государственного регулирования на финансовых рынках.

УДК [336.76:339.137.2](470+571)(063)

ББК 65.262.1(2Рос)я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6054924-4-3

© Тосунян Г.А., составление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	5
Справка	11
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	14
ДОКЛАД 1. к. э. н. НЕУМЫВАКИН П.И.	25
К РАЗВИТИЮ КОНКУРЕНЦИИ НА БАНКОВСКОМ РЫНКЕ	
ДОКЛАД 2 ВОЛКОВ М.В.	36
ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТНОГО НЕРАВЕНСТВА	
ДОКЛАД 3 МЕХТИЕВ Э.О.	44
РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ: КУДА ВЕДУТ БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ...	
ДОКЛАД 4 ВОРОНИН Б.Б.	56
РОСТ ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ «ОРГАНИЗОВАННУЮ КОНКУРЕНЦИЮ»	
ДОКЛАД 5 НАДМИТОВ А.Н.	68
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОНКУРЕНЦИЯ	
д. э. н. ЕРШОВ М.В.	84
ВОЛКОВ М.В.	86
МЕХТИЕВ Э.О.	89
ЛОГИНОВ И.Э. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	91
к. э. н. СТОЛЯРОВ А.И. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	96
ВОЛКОВ М.В.	98

МЕХТИЕВ Э.О.	101
акад. ТОСУНЯН Г.А.	103
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА	
к. э. н. НЕУМЫВАКИН П.И.	104
ВОЛКОВ М.В.	108
МЕХТИЕВ Э.О.	111
ВОРОНИН Б.Б.	113
НАДМИТОВ А.Н.	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	116
Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий» президента АРБ и НИИ ДДиП	126

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руко-
водитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований националь-
ной безопасности России Экспертного
института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоци-
ации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального иссле-
довательского института Доверия,
Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Инсти-
тута системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководи-
тель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный науч-
ный сотрудник Института социально-
политических исследований ФНИСЦ
РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, науч-
ный руководитель Вологодского
научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель
сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный науч-
ный сотрудник Института философии
РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий
лабораторией социальной и экономи-
ческой психологии Института психо-
логии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководи-
тель Института океанологии
им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабо-
раторией психологии общения фа-
культета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии
наук Армении (НАН РА), иностран-
ный член РАН, д. социол. н., научный
руководитель Института философии,
социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Инсти-
тута государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководи-
тель Центра правовых исследований
цифровых технологий Государствен-
ного академического университета
гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя
правления Евразийского банка разви-
тия

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Ин-
ститута философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского инсти-
тута НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государ-
ственного аудита Высшей школы гос-
ударственного аудита (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского науч-
ного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель дирек-
тора по научной работе Института
психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ» и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились. Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих

завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 140 «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 92 дискуссии.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ГОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Приветствую всех участников совместного заседания Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое проходит на площадке Ассоциации российских банков.

На заседание зарегистрировались:

- **85** представителей науки и вузов, в том числе **8** членов РАН;
- банкиры, государственные и общественные деятели, эксперты.

Всего более 130 человек.

Тема заседания – «Конкуренция на финансовом рынке».

Тема интересная не только с научной, но и с практической точки зрения.

Убежден, что конкуренция является необходимым условием успешного развития, в частности, финансового рынка и банковского сектора.

Конечно, это касается всей экономики, а не только наших сегментов рынка.

Конкуренция выгодна всем независимым участникам рынка и является важнейшей составляющей любой рыночной экономики. Она по многим показателям позитивно влияет на состояние экономики.

Причем конкуренция выгодна и обществу в целом. Она повышает эффективность деятельности, качество продукции и услуг, поддерживает баланс спроса и

предложения, эффективное распределение и использование ресурсов, а также способствует снижению стоимости товаров, которые предлагаются на рынке.

Благодаря конкуренции цена всегда стремится достичь того минимума, на который будет более высокий спрос.

И наоборот, в определенной степени в справедливой конкуренции не заинтересованы отдельные структуры, например, компании, аффилированные с государством.

В этом случае растут цены и тарифы, а не качество и доступность товаров и услуг. Потому что борьба идет больше за близость к государству, за получение преференций, а не за получение клиентуры через снижение себестоимости.

Как следствие, ускоряется инфляция, растет социальное неравенство и ухудшается благосостояние населения в целом.

Это не сугубо экономическая проблема, а очень важная социальная проблема, в целом затрагивающая общество.

Государство должно стремиться к развитию эффективной экономики, повышению уровня жизни своих граждан. А значит, оно в первую очередь должно быть заинтересовано в поддержании здоровой конкуренции. То есть для государства тоже это очень важно в глобальном плане.

Что можно сказать о состоянии конкуренции на примере финансового рынка, в частности, на примере нашей банковской сферы?

Данные, которые мы сегодня имеем, свидетельствуют о том, что конкуренция в банковской сфере падает. Это проявляется в разных формах.

Например, в том, что с рынка фактически вынуждены уходить, по разным причинам, некрупные участники. Крупные участники, которые не имеют соответствующих преференций аффилированности, иногда тоже вынуждены уходить.

В условиях нездоровой конкуренции многие банки, которые имеют свою нишу, часто не выдерживают давления и уходят с рынка.

Например, крупные участники иногда поглощаются другими крупными участниками, по большей части с госкапиталом.

Таких примеров у нас множество.

Несмотря на то, что темпы отзыва банковских лицензий в последние годы существенно сократились, тем не менее за 5 лет количество кредитных организаций уменьшилось на четверть, а за 11 лет – втрое.

Кто-то где-то продекларировал, что у нас много кредитных организаций. Продекларировал это, совершенно не зная состояния рынка, не понимая, что при большом количестве банков не бывает таких высоких ставок, которые мы имеем сейчас, а наоборот, сокращение приводит к повышению ставок, комиссии становятся выше.

Такие заявления в определенной степени способствовали тройному сокращению количества кредитных организаций.

Активы банковской системы продолжают концентрироваться в крупнейших банках, причем преимущественно в банках с госучастием.

На 10 крупнейших кредитных организаций приходится уже 79,6% активов, это данные Центрального банка на октябрь 2024 года.

Доля трех крупнейших банков в активах превысила 56%.

Для сравнения, в Китае доля трех крупнейших банков не превышает 33%, в США и Великобритании – 38%. Три четверти активов нашей банковской системы концентрируются в банках с госучастием. Мы эту категорию банков осознанно выделяем в силу понятных причин.

Эти банки имеют общего собственника с контрольным пакетом акций у государства.

Проблемы конкуренции связаны с позиционированием этих банков и их положением на рынке.

С другой стороны, на все банки за пределами первой сотни, а это 220 банков, приходится всего 1,6% активов. В своем роде это такой малый банковский бизнес.

Если посмотреть не на активы, а на отдельные сегменты банковского рынка, то окажется, что доля трех крупнейших банков, например, на рынке ипотеки составляет 77%, на рынке торгового эквайринга – 81%, в карточных платежах – 84%.

Такие диспропорции несут серьезные риски не только для банковской системы, но и для экономики. Это в том числе является следствием и производной нездоровой конкуренции.

Низкий уровень конкуренции на рынке банковских услуг влечет за собой негативные последствия для клиентов – для нашего населения и для бизнеса. Это прежде всего:

- переплаты за услуги,
- высокие комиссии;
- ограничение доступа клиентов банков к отдельным продуктам и программам, например, программам льготного кредитования;

- мисселинг – недобросовестная практика продаж и злоупотребления доверием.

Павел Алексеевич Медведев с 2010 года является финансовым омбудсменом АРБ. Он может подтвердить, что основная часть жалоб, связанных с мисселингом, исходит как раз от клиентов крупнейших банков.

Например, это реализация навязанных страховых услуг или запутанные программы долгосрочных сбережений, участвуя в которых наши сограждане не только не сохраняют свои не самые большие деньги, но в ряде случаев их теряют.

Мы в Ассоциации российских банков считаем, что на перспективу необходимо закрепить целевой ориентир доли государства в капитале российских банков.

Напомню, что во многих постсоветских странах государство вообще не участвует в банковской системе.

Во многих других странах, которые к Советскому Союзу не имели отношения, тоже государство не участвует в банковской системе.

Это сфера для открытой конкуренции.

При этом особо хочу отметить принципиальное отличие банковской системы от многих других отраслей народнохозяйственного комплекса страны, в которых государство вполне может играть главенствующую роль и даже быть монополистом.

Примером может служить госмонополия на железнодорожные перевозки, на автодороги. Или высокий уровень участия государства в гражданских авиаперевозках, в энергетическом комплексе. В частности, вряд ли будет оправданным допускать в сферу национальной гражданской авиации сотни авиакомпаний.

Но банковские услуги необходимы каждому человеку каждый день, в каждом населенном пункте для осуществления множества финансовых операций, каждая из которых носит сугубо индивидуальный характер.

Поэтому и спектр банков и банковских услуг должен быть очень разнообразным, доступным по цене и высокого качества. А это возможно только при очень высокой конкуренции.

Банки, магазины, сервисы бытового обслуживания, автотранспортных услуг не должны быть под прямой или опосредованной частичной госмонополией, в отличие от авиации или железнодорожных перевозок. И в этих сегментах экономики недостаточно конкуренции трех, пяти или даже ста участников для полноценной конкуренции.

Здесь количество определяется потребительским спросом, а не чьей-то волей, знающей, сколько стране нужно банков.

Какой целевой ориентир участия государства нужно закрепить – это тема для обсуждения.

Надо понять, можем ли мы себе позволить нулевое участие государства.

Недавно ушедший из жизни Александр Смоленский в 1995 году был сильно вхож во властные структуры и, конечно, за бесценок хотел купить «Сбербанк».

Ассоциация российских банков и ваш покорный слуга выступили категорически против, чтобы Сбербанк был отдан на откуп одному владельцу, несмотря на то, что он был членом Совета АРБ и у нас были добрые приятельские отношения.

Смоленский, увидев тогда такое сильное сопротивление Ассоциации, через некоторое время тихо купил «Агропромбанк» и из своего «СБС-банка» сделал «СБС-Агробанк».

Все помещения «Агропромбанка» он оформил на себя лично. Когда во время дефолта 1998 года банк обанкротился, то основной актив – вся недвижимость – остался в его единоличном владении, а все долги банка остались за банком. И вкладчики получили, как он тогда прямым текстом пообещал в федеральных средствах массовой информации, «ослиные уши», а не свои вклады. Думаю, когда он произносил эти слова, он имел в виду в первую очередь тех чиновников, которые хранили у него в банке баснословные суммы.

Я искренне сожалею, что он рано ушел из жизни. Это был очень сложный, но очень яркий человек, талантливый, сделавший много интересного. Но факт остается фактом: долги остались за банком, а основной актив – за Смоленским.

Не менее яркий персонаж того периода Владимир Виноградов, создатель и бессменный руководитель «Инкомбанка», самого влиятельного банка 90-х годов, в результате дефолта обанкротился вместе с банком и умер около 7–8 лет назад в нищете.

Это так, немного истории...

Вопросы приватизации требуют очень осторожного подхода. У нас же вся приватизация сводится к определенным схемам.

Так что суть не в том, можем ли мы позволить себе нулевое участие государства, когда наблюдается такая динамика роста доли государства во многих сферах.

Сейчас должна быть хотя бы поставлена задача, чтобы доля государства была не выше 50%, а в перспективе – не выше 30%.

Необходимо разработать детальный план реализации этой цели, если эта цель будет услышана и принята нашими властями.

Нужно повышать инвестиционную привлекательность банковского бизнеса, которая за последние десятилетия серьезно упала.

В банковский бизнес сегодня никто не идет. Он не привлекает частный капитал, наоборот, стараются выйти из этого бизнеса.

Еще в 2022 году АРБ предложила для повышения конкуренции в банковском секторе осуществить переход к трехуровневой банковской системе путем выделения следующих групп банков:

- системно значимые кредитные организации (СЗКО);
- государственные банки как институты развития по направлениям (например, «ДОМ.РФ», «МСП Банк») и регионально значимые банки;
- остальные коммерческие банки.

То есть возможна какая-то сегментация, структуризация. В том числе государство может принять участие в развитии того или иного сегмента, раз оно участвует в банковской системе. Но не так, как сегодня, когда все сводится к получению банками с госучастием необоснованных конкурентных преимуществ.

Такая, условно говоря, трехуровневая банковская система, по нашему мнению, могла бы обеспечить не декларативные, а реальные равные условия более справедливой конкуренции. Хотя, конечно, абсолютно равной с системно значимыми банками и банками с государственным участием конкуренция никогда не будет.

Эти предложения были подробно изложены и в «Докладе к съезду АРБ – 2022». Доклад есть в печатном варианте и в электронном виде на сайте АРБ ¹. Можно

¹ [Доклад к съезду Ассоциации российских банков – 2022.](#)

ознакомиться и, конечно, критиковать или дополнять наши предложения.

Актуальной проблемой является то, что наша финансовая система столкнулась с серьезными ограничениями, с санкционным давлением. Это имеет прямое отношение к теме конкуренции.

Эта кризисная ситуация, как и многие другие, показала, кстати, что небольшие банки обладают большей устойчивостью, потому что дифференцированная система всегда более устойчива, чем моносистема, в том числе с точки зрения нанесения санкционных ударов.

Небольшие банки проявляют себя ничуть не хуже, а во многом и лучше, чем крупные банки с госучастием. Они ближе к клиенту, они лучше чувствуют «землю».

Особенно хочу отметить, что это не столько вопрос масштаба банков, сколько вопрос здоровой добросовестной конкуренции. Наверное, вы помните, что тему конкуренции в 2017 году мы вынесли на съезд Ассоциации российских банков, после чего два-три крупных банка инициировали выход из АРБ. Они очень обиделись на правду.

Определяющим фактором в банковской сфере должен быть не масштаб, а фактор доверия.

Мы должны стремиться к гармоничному развитию всего банковского сектора и всей нашей экономики, а не к локальным «выдающимся» результатам отдельных участников. Это важный фактор, в том числе с точки зрения устойчивости самой системы.

Казалось бы, очевидная и бесспорная мысль. Однако на уровне доктринальных документов, к которым можно отнести центробанковские «Основные направления развития финансового рынка РФ», эта мысль в итоге не получила своего развития.

Подраздел «Содействие конкуренции на финансовом рынке» вовсе исчез из последней редакции документа. Мы давали свои предложения, работали над проектом, а потом этот подраздел исчез.

Хотя после съезда 2017 года, который был посвящен проблемам конкуренции, Центральный банк сам ставил эти вопросы на обсуждение.

С одной стороны, Центральный банк тогда обиделся на нас, с другой – через год сам стал активно обсуждать эту тему.

Но, увы, эти обсуждения ни к чему не привели – думаю, не в последнюю очередь по причине мощного лобби крупных банков и банков с госучастием.

Видимо, монополисты имеют достаточно возможностей, чтобы в том числе убирать целые разделы из основополагающих документов.

Тема конкуренции не такая однозначная. Конечно, мы зачастую видим большой разрыв между тем, что декларируется, и тем, что происходит на самом деле.

Это лукавство, это лицемерие, оно особенно угнетает, потому что в наших условиях надо минимизировать лицемерие, если невозможно убрать полностью.

Поэтому мы сегодня вынесли эту тему на обсуждение. У нас много докладчиков, потому что мы хотим увидеть и услышать взгляд на проблему с разных сторон.

Повестка дня у нас состоит из следующих вопросов, которые предложили докладчики.

«К развитию конкуренции на банковском рынке».

Докладчик – **Неумывакин Павел Иванович**, кандидат экономических наук, исполнительный вице-президент Ассоциации российских банков.

«Основные факторы конкурентного неравенства».

Докладчик – **Волков Михаил Владимирович**, первый заместитель председателя правления «Прио-Внешторгбанка».

«Регулирование и конкуренция: куда ведут благие намерения...»

Докладчик – **Мехтиев Эльман**, председатель совета Национальной ассоциации участников микрофинансового рынка «НАУМИР», председатель совета саморегулируемой организации «МиР» («Микрофинансирование и Развитие»).

«Рост экономики через “организованную конкуренцию”».

Докладчик – **Воронин Борис Борисович**, работал в Минэке, Центробанке, Национальной ассоциации профессиональных коллекторских агентств. Сейчас как независимый эксперт занимается просветительской работой, защитой заемщиков, клиентов банков.

«Современные технологии и конкуренция»

Докладчик – **Надмитов Александр Намсараевич**, управляющий партнер юридической фирмы «Надмитов, Иванов и Партнеры», эксперт Международного центра конкурентного права и политики БРИКС при Высшей школе экономики.

Слово нашему первому докладчику, Павлу Ивановичу Неумывакину. Прошу Вас, Павел Иванович.

ДОКЛАД 1

НЕУМЫВАКИН П.И.

к. э. н., исполнительный вице-президент
Ассоциации российских банков

К РАЗВИТИЮ КОНКУРЕНЦИИ НА БАНКОВСКОМ РЫНКЕ

Доброе утро, Гарегин Ашотович! Доброе утро, коллеги!

Если говорить о конкуренции в банковской сфере, можно отметить следующее.

Достигнутые к концу 2023 года максимальные значения концентрации рынка банковских услуг в системно значимых кредитных организациях, в том числе и в банках с госучастием, показывают как минимум недостаточность ранее принятых мер со стороны Банка России и Федеральной антимонопольной службы по улучшению конкурентной среды в банковском секторе.

На 1 января 2024 года на долю банков, входящих в топ-20, приходилось:

- 88,6% всех активов банковского сектора,
- 93,4% общего объема корпоративных кредитов,
- 88,6% кредитов физлицам,
- 86,8% привлеченных средств корпоративных клиентов и
- 89,7% привлеченных средств физических лиц.

Итоги работы банковского сектора уже в этом году свидетельствуют о сохранении тенденции дальнейшей монополизации банковского рынка и стабильно высокой доли банков с госучастием в финансовой системе страны.

По расчетам АРБ, на данную группу банков с госучастием на 1 июля 2024 года приходилось 74,6% активов банковского сектора страны.

Как показывают итоги работы банковской системы за 9 месяцев 2024 года, дальнейший рост концентрации активов банковской системы снова усилился.

Как уже отметил Гарегин Ашотович, по состоянию на 1 октября 2024 года на первые топ-10 банков приходилось 79,6% активов против 78,4% на 1 января.

На топ-20, соответственно, 89,4% против 88,6%.

А на системно значимые кредитные организации, включая их «дочки», приходилось, соответственно, 80,2% активов против 79%.

Другие цифры.

На топ-10 банков по размеру активов приходится 77,8% капитала банковского сектора.

На топ-20 – 88% капитала банковского сектора.

Вышеуказанная статистика и ее динамика свидетельствуют о сохранении высокой концентрации в банковском секторе и, следовательно, о низкой конкурентной среде, приводящей к неравным условиям деятельности банков как при привлечении фондирования, так и при размещении средств в кредитовании.

Позиция Правительства РФ по вопросам развития конкуренции в стране отражена в Распоряжении № 2424-р от 2 сентября 2021 года «Об утверждении Национального плана (“дорожной карты”) развития конкуренции в РФ на 2021–2025 гг.», в котором, в частности, предусматривалось утвердить отдельный план мероприятий развития конкуренции на рынках финансовых услуг на 2022–2025 годы, который так и не был утвержден.

Подраздел «Содействие конкуренции на финансовом рынке» в прежних редакциях «Основных направлений развития финансового рынка...» на соответствующие периоды существовал до 2023 года.

Потом он тихо исчез.

В новом проекте документа Банка России на 2025–2027 годы этот подраздел также отсутствует.

При этом сам регулятор в декабре 2021 года отмечал, что «рост концентрации бизнеса на финансовом рынке, несоблюдение принципов конкурентного нейтралитета, дальнейшее огосударствление банковского сектора могут ухудшить состояние конкурентной среды, что создаст барьеры для действия рыночных сил в области развития финансового рынка».

На мой взгляд, тут словосочетание «могут ухудшить» в форме предположения можно заменить на утвердительное «ухудшили».

Именно проблема доминирования крупнейших банков, прежде всего системно значимых кредитных организаций и банков с госучастием, отсутствие равных условий конкуренции для малых и средних банков на всех направлениях применения механизмов господдержки бизнеса являлась и является поныне ключевой в рамках обсуждения «Основных направлений развития финансового рынка...» в последние годы.

Банк России в своих официальных документах на тему конкуренции признавал данную проблему.

Он справедливо отмечал, что «банковский сектор характеризуется достаточно высокой концентрацией, и по индексу конкуренции сфера банковских услуг является

одной из наименее конкурентных на российском финансовом рынке».

По мнению участников рынка, основным драйвером, обеспечивающим опережающий рост активов банков с госучастием, являются именно преимущества нерыночного характера, выраженные прежде всего в неравных условиях конкуренции, ограниченном доступе банков к участию в федеральных программах, к федеральным ресурсам и так далее.

На финансовом конгрессе Банка России в июле 2024 года проводилась интересная сессия на тему «Конкуренция в банковском секторе. Как способствовать ее развитию?».

Примечательно, что от банковского сообщества в работе этой сессии принимали участие представители «Сбербанка» и «ВТБ».

Причем последний недвусмысленно упрекнул «Сбер», приведя пример так называемой «кощевой иглы» за счет низкой рублевой стоимости фондирования из-за монопольного обслуживания пенсионеров и «зарплатников».

На этой сессии Банк России представил так называемую «тепловую карту» конкуренции на банковском рынке по сегментам. Кстати, достаточно хорошая презентация есть на сайте ЦБ, всем рекомендую ее посмотреть².

Здесь следует отметить, что, по мнению ЦБ РФ, конкуренция сводится исключительно к продуктовой составляющей для клиентов банков, в частности, для участников рынка по отдельным продуктам, и совершенно не затрагивает проблемы концентрации рынка на крупнейших игроках.

К сегментам с недостаточной конкуренцией регулятор отнес средства физлиц, потребительские кредиты, ипотеку, платежи картами, переводы по картам, рынок эквайринга.

² [Исследование конкуренции в банковском секторе.](#)

В целом уровень конкуренции на рынке банковских услуг оценен как средний, а по ряду сегментов, таких как средства юрлиц, автокредиты, признан эффективным.

С этой благостной картиной, по-моему, можно поспорить.

Так, на той же сессии было отмечено, что в области кредитования региональных администраций наблюдается очевидная монополия «Сбера», а в обслуживании средств государственных юрлиц доминируют банки с госучастием.

Одновременно в презентации ЦБ РФ было отмечено, что низкий уровень конкуренции может создавать проблемы как для клиентов, так и для участников рынка.

В частности, для участников рынка были выделены следующие возможные негативные последствия:

- вероятность демпинга со стороны сильнейших игроков;
- экономия на масштабе;
- недоступная более мелким игрокам монополия рента, позволяющая лидерам расти быстрее рынка за счет большего заработка;
- технологические барьеры, например, из-за контроля отдельными игроками критических технологий.

Отмечено все правильно, но требуется одно уточнение. Слово «возможные» надо заменить на слово «реальные».

К таким факторам также можно добавить сохраняющееся монопольное право крупнейших банков, прежде всего банков с госучастием, на доступ к льготным программам кредитования и обслуживание клиентских средств.

ЦБ РФ предлагает для стимулирования конкуренции в банковском секторе обеспечить равный и понятный доступ к отдельным видам ресурсов, устранение фаворитизма на операционном уровне.

В скобках можно отметить, что о необходимости решения этой проблемы АРБ говорит на протяжении последних 10 лет.

Далее регулятор рекомендует реализовать расширение каналов продаж путем запуска финансовых платформ, маркетплейсов, обеспечить снижение барьеров для оплаты путем введения единого QR-кода и запуска цифрового рубля.

И все.

Кредитные организации отмечают общие тенденции функционирования рынка финансовых услуг, влияющие негативно на конкурентную среду в банковской отрасли, которые уже не раз обозначались участниками финансового рынка на конференциях, рабочих столах, съездах АРБ.

Гарегин Ашотович упомянул, что в апреле 2022 года АРБ предложила Банку России провести реформу банковской системы путем перехода к трехуровневой банковской системе.

Хотелось бы остановиться на предложении АРБ о формировании института регионально значимых банков.

Сохранение региональных банков при создании условий для их развития может стать мощной базой диверсификации и поддержания экономик регионов.

Кстати, по критериям, определенным съездом АРБ, по состоянию на 1 октября 2024 года к регионально значимым банкам можно отнести 42 банка в 26 регионах РФ из 152 действующих на сегодня региональных банков.

Также хотелось бы отметить другие предложения. Кредитные организации обращают внимание на ограниченный доступ небольших кредитных организаций к финансовым ресурсам, отсутствие возможности своего участия в отдельных программах кредитования из-за чрезмерно жестких условий.

Например, до сих пор сохраняются высокие требования по капиталу, размеру активов, наличию высокого уровня кредитного рейтинга в двух кредитных рейтингах и так далее.

Слабая вовлеченность небольших кредитных организаций в программы льготного кредитования приводит к отсутствию возможности у таких банков проводить кредитные операции на конкурентных условиях.

Решением проблемы могло бы быть расширение перечня банков посредством смягчения критерия их отбора, чтобы они могли принимать участие в такого рода программах.

В последнее время Банком России внедряется большое количество инфраструктурных проектов и цифровых сервисов, которые недостаточно востребованы клиентами небольших региональных банков.

Их внедрение не соответствует бизнес-стратегиям этих банков, но вместе с тем требует от них значительных финансовых затрат, существенно ухудшающих их финансовое состояние.

В качестве таких проектов можно вспомнить внедрение Системы быстрых платежей, подключение к информационной системе «Одно окно», предоставление услуг в рамках Единой биометрической системы.

Часто бизнес-стратегии региональных банков не предусматривают программ по предоставлению кредитов удаленно ввиду отсутствия спроса со стороны клиентов.

Соответствующее предложение о внесении изменений в законодательство и нормативные акты Банка России, предусматривающие опциональность присоединения региональных банков к цифровым сервисам, уже направлялось в Банк России.

Однако, к сожалению, необходимые решения по внесению изменений в нормативные документы Банком России приняты не были.

О внедрении цифрового рубля.

На последней ежегодной конференции, которая недавно проводилась, «Ингосстрах Банк» отметил, что затраты на внедрение цифрового рубля потребовали за три года порядка 150 миллионов рублей, что для небольшого банка, мягко говоря, серьезные деньги.

Если на старте проекта Банк России заявлял об отсутствии у банков обязанности по работе с цифровым рублем, то сейчас, исходя из опубликованного пресс-релиза Банка России от 12 сентября 2024 года, все банки будут обязаны предоставить своим клиентам возможность работы с цифровым рублем.

В соответствии с этим АРБ предлагает на законодательной основе все-таки установить для банков с базовой лицензией опциональный подход в работе с цифровым рублем.

Кроме того, для всех небольших банков характерны такие проблемы, как привлечение квалифицированных IT-специалистов, недостаток качественных программных продуктов, качество и стоимость доступного аппаратного обеспечения.

Все проблемы технологических барьеров можно решить посредством объединения малых и средних банков по модели «Альянс» для централизованного решения проблем инвестиций в инфраструктурные проекты, имеющие значительный удельный вес в структуре расходов банков, путем создания площадок для совместной работы с производителями банковского программного обеспечения.

В этом направлении предлагаются следующие варианты:

- создание площадки по взаимодействию с вендорами для совместного обсуждения подобных проектов,
- создание структуры единого заказчика по взаимодействию с вендорами.

Участие Банка России в данной работе может состоять в таких направлениях, как:

- создание единого мобильного приложения для операций с цифровым рублем;
- взаимодействие с вендорами и банками в рамках конкретизации планов и сроков по внедрению регуляторных изменений, приводящих к значительным доработкам, для создания именно нового банковского программного обеспечения;
- участие в создании стандартов и аккредитации банковских программных продуктов по информационной безопасности.

Также Банк России может более активно использовать свой потенциал для принуждения крупнейших игроков к устранению технологических барьеров путем предоставления возможности малым и средним банкам использовать их наработки на безвозмездной или льготной основе.

Кроме того, существует проблема, которую кредитные организации – малые и средние банки – отмечают достаточно давно.

Это более жесткий надзор Банка России к небольшим банкам за соблюдением требований законодательства.

По мнению банков, у них запрашивается значительный объем дополнительной информации, лишней отчетности, подготовка которой является серьезной административной нагрузкой.

Указанное повышенное внимание к малым банкам позволяет федеральным кредитным организациям при осуществлении своей деятельности обходить требования законодательства, получая таким образом конкурентные преимущества.

Как уже сказал Гарегин Ашотович, по мнению АРБ, в Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года необходимо закрепить целевой ориентир снижения доли государства в капитале российских банков до уровня не более 50% к концу 2030 года, с разработкой детального плана реализации поставленной цели.

Кредитные организации отмечают, что создание условий для развития конкуренции на рынке финансовых услуг и обеспечение прав и интересов всех участников, а не только крупнейших игроков, должно стать важнейшим направлением стратегии развития финансового рынка РФ.

Однако повторю: как в действующих «Основных направлениях...», так и в новом проекте данные мероприятия по улучшению конкурентной среды практически отсутствуют.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо в данном документе восстановить ранее существовавший раздел по конкуренции и наполнить его конкретным содержанием.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Павел Иванович.

Коллеги, если не возражаете, давайте выслушаем всех пятерых докладчиков, а потом перейдем к вопросам.

Второй докладчик – Волков Михаил Владимирович.

Тема его доклада – «Основные факторы конкурентного неравенства».

Пожалуйста, Михаил Владимирович.

ДОКЛАД 2

ВОЛКОВ М.В.

первый заместитель председателя правления
«Прио-Внешторгбанка» (г. Рязань)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТНОГО НЕРАВЕНСТВА

Я вижу свою роль как докладчика в том, чтобы рассказать, каким образом те факторы, о которых говорил уважаемый Павел Иванович, влияют на нашу работу.

Это будет региональный взгляд.

Один из самых первых и основных факторов неравноправной конкуренции – доступ к различного рода программам работы с государством.

Мы видим, например, что в рязанском бизнесе достаточно большая доля крупных предприятий.

Это предприятия, которые выполняют государственные заказы.

И вообще, доля государства в обеспечении развития экономики области достаточно большая.

Это и строительство дорог, и строительство социальных инфраструктурных объектов. В настоящее время это еще и гособоронзаказ.

Соответственно, все то, что связано с возможностью участия в обслуживании движения денежных средств по такого рода заказам, – это большая доля экономики.

К сожалению, в последние годы мы наблюдаем последовательное отлучение коммерческих банков от этого большого и сладкого пирога.

Я помню много случаев, когда небольшой коммерческий банк выстраивал целую инфраструктуру для предприятия, которое имело оборонный потенциал, и в то же время выпускало экспортно-ориентированную продукцию.

Региональный банк вытаскивал его из долговой ямы.

Однако, когда в эту отрасль пошли деньги, предприятиям было предложено работать только с уполномоченными федеральными банками.

На сегодняшний день при высочайшем уровне процентных ставок – на мой взгляд, абсолютно неадекватном – особое значение получает возможность работы регионального банка с государственными программами, направленными на поддержку тех или иных отраслей экономики.

Программы поддержки малого и среднего бизнеса существуют, при этом они дифференцированы.

Есть программы, которые предусматривают фондирование на определенных льготных дешевых условиях.

Но таких программ минимальное количество.

Если мы говорим о программах, связанных непосредственно с выдачей денежных средств на льготных условиях для того, чтобы поддержать соответствующие отрасли промышленности, то для участия в таких программах размер капитала и масштабы деятельности банка имеют значение.

Но есть целый ряд программ, в которых банк осуществляет кредитование тех или иных отраслей за счет собственных ресурсов, которые он привлек самостоятельно и за которые отвечает перед вкладчиками.

А государство лишь субсидирует разницу между льготной ставкой, которую получает конечный заемщик, и рыночной процентной ставкой, на которую мог бы претендовать банк, выдавая коммерческий кредит.

К такого рода программам до сих пор остается крайне неравномерный доступ.

Надо отметить, что в данном случае антимонопольная служба, за что мы ей очень благодарны, все-таки привела в жизнь решение, согласно которому для определения формулы участия в такого рода программах запрещено учитывать размер банка в качестве критерия при отборе.

Однако это вовсе не означает, что все программы тут же стали доступными для всех коммерческих банков.

Такого рода шаги будут внедряться в жизнь по мере внесения изменений в соответствующие документы.

Что сегодня волнует нас больше всего?

Например, программа кредитования сельского хозяйства.

Если совсем недавно мы говорили о том, что самый быстрый способ потерять деньги – это казино, самый приятный – это женщины, а самый надежный – это сельское хозяйство, то на сегодняшний день это совершенно не так.

Сельское хозяйство, которое в 1990-е годы мы «вытаскивали из болота», сегодня – очень привлекательный, кредитоемкий и в то же время надежный сектор экономики Российской Федерации.

Однако до сих пор постановления правительства, которые регламентируют льготные кредиты в области сельского хозяйства, не менялись.

Например, наш банк имеет допфили практически в каждом районе области.

При этом у нас возможность обслуживания предприятий сельскохозяйственного комплекса по льготным программам крайне и крайне ограничена.

Повторю, мы не претендуем на фондирование из каких-то государственных ресурсов.

Мы только говорим о том, что мы выдаем деньги, которые привлекли сами, и либо наш клиент, либо банк получает компенсацию части процентной ставки от государства.

Соответственно, государство несет риск только в пределах целевого использования средств, полученных по данной программе, что достаточно легко и четко проверяется.

Суммы там на порядки меньше, чем те суммы, которые действительно идут на финансирование сельского хозяйства.

Чем страшно отлучение небольшого коммерческого банка от участия в государственных программах?

Есть прямой эффект. Мы недополучили проценты по кредиту. Но это, может быть, не самая большая проблема.

Проблема в другом. Если у нас есть провайдеры этих льготных денежных средств в виде крупных банков, в первую очередь банков с госучастием, то за получением кредита нужно идти к ним.

А дальше необходимо добровольно-принудительно подписать ковенантный пакет.

В ковенантном пакете, как правило, указываются требования по поддержанию процента от оборота с выручки.

И это делает для заемщика запретительным открытие расчетных счетов в других банках, получение кредитов в других банках и все другие формы сотрудничества.

Это позволяет привязать к себе клиента крепко-накрепко.

Идея очень простая и достойная.

Скажем, у меня есть очень сладкий, очень вкусный продукт – образно говоря, «морковка».

Но если ты хочешь получить эту «морковку», то ни в какой другой банк ни за какой услугой ходить не должен.

Такая же история у нас сохраняется в работе с эскроу-счетами застройщиков.

Правда, сейчас стало чуть проще.

Как известно, что вхождения в некоторые программы требуется рейтинг двух рейтинговых агентств.

У нас есть хороший рейтинг двух рейтинговых агентств.

Понятно, что мы платим рейтинговым агентствам за расчет этого рейтинга и за его публикацию.

Что не так с получением рейтинга?

Создается впечатление, что у нас три рейтинговых агентства – фактически некий дистанционный аппарат Центрального банка, который устанавливает стандарты рейтингования.

И ни одно рейтинговое агентство не даст региональному банку выйти на хороший уровень рейтинга без позволения ЦБ.

Например, чтобы получить рейтинг triple-A, насколько я понимаю, нужно обязательно подтвердить возможность поддержки коммерческого банка акционерами в случае наступления финансовых проблем.

Если речь идет о государственном банке, для него такой проблемы не существует.

Акционер в лице государства в случае наступления каких-то проблемных событий всегда сможет оказать поддержку банку.

То есть не совсем важно, как работает банк.

Важно, какой у него акционер.

Получается, что формально мы следуем принятым международным правилам, привлекая независимые рейтинговые агентства.

А на практике это очень сильно напоминает простое перекладывание ответственности с Банка России, который достоверно знает степень надежности любого банка, на независимые организации, которые не могут «прыгнуть» выше установленных норм и требований.

На мой взгляд, это некая профанация рыночных механизмов с использованием рейтинговых агентств.

Еще один фактор, о котором уже говорилось, – это непропорциональное регулирование.

Неоднократно в своих выступлениях я аргументированно, с цифрами доказывал, что у нас уровень надзорных требований обратно пропорционален системной значимости банков.

На небольшие банки концентрируется огромное количество усилий.

В то же время регуляторная нагрузка на крупные банки заметно слабее.

Во время прошлой выездной проверки Банка России у нас под нее попало где-то 75% кредитного портфеля.

Это не выборочная проверка, ее можно назвать сплошной.

Трудно представить, как можно провести аналогичную масштабную проверку кредитного портфеля «Сбербанка» или «ВТБ». Не представляю, какие орды проверяющих нужно туда направить.

Объем регуляторных требований ЦБ обратно пропорционален системной значимости банков.

Одно из двух: либо у небольших банков резервы излишние, либо резервы недосозданы в крупных банках, что приводит к накоплению крупных системных рисков.

Я имею в виду качество кредитных портфелей.

Мы видим, что кредит одному и тому же заемщику, которого малый банк по одним и тем же лекалам оценивает как третью или вторую категорию качества, в кредитном портфеле крупного банка оценивается как хороший практически без создания резервов.

Еще один аспект.

Не могу сказать, что все так плохо.

Все равно на банковском рынке есть определенное положительное движение.

Возьмем ту же самую Систему быстрых платежей. Действительно, она обеспечивает более равное участие коммерческих банков, например, на рынке платежей.

Считаю, что это один из самых удачных с точки зрения идеологии инфраструктурных проектов Банка России.

За это всегда его хвалю.

Но возникают другие вопросы.

В свое время на российский рынок платежных карт пришли две международные системы: Visa и MasterCard.

При этом законодатели даже для крупных торговых сетей (по-моему, с оборотом более миллиарда рублей) ввели обязательность приема карточек в качестве средства платежа.

На рынке сложилась классическая дуополия, когда эти две системы занимали практически 100% рынка, за небольшими исключениями.

И антимонопольный комитет достаточно лояльно посмотрел на эту ситуацию.

Мало того, платежные системы пролоббировали себе законодательно обязательность приема этого средства платежа.

С учетом каких-то особенностей можно принять и это.

Но тогда, наверное, антимонопольная служба должна интересоваться, как назначаются тарифы за услуги.

А вот там все интересно.

Я уже много лет говорю о том, что в современном цифровом мире формирование тарифа на эквайринг в процентах от суммы транзакции – это нонсенс.

И это совершенно недопустимо.

Для малого и среднего предприятия тариф на эквайринг по пластиковым карточкам составляет от двух и более процентов, может доходить и до трех с половиной процентов.

Центральный банк внедрил Систему быстрых платежей, применив ту же идеологию – проценты от суммы платежа.

Да, там тариф ниже – 0,5%.

Но почему в цифровом мире, где себестоимость транзакции не зависит от суммы платежа, тариф назначается в процентах от суммы?

Эта переплата касается всех пользователей банковских услуг.

Я бы, конечно, обратился к антимонопольной службе с просьбой обратить на это внимание.

У нас сейчас на карточном рынке полная монополия системы «Мир».

И проанализировать принципы ценообразования на этом рынке – крайне важно для обеспечения конкуренции.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллеги, если никто не настаивает на вопросах, пойдём дальше по докладам.

Послушаем Эльмана Мехтиева. Я уже представлял всех докладчиков. Повторно этого делать не буду.

ДОКЛАД 3

МЕХТИЕВ Э.О.

генеральный директор Ассоциации развития
финансовой грамотности (АРФГ)

РЕГУЛИРОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ: КУДА ВЕДУТ БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ...

Доброе утро! Сразу перейду к делу.

Хотя я философ по первому образованию, а по второму – финансист, приведу практические кейсы, за которыми скрывается то самое всеобщее, которое в действительности нас интересует, если мы смотрим на это с академической точки зрения.

И я даже немного поспорю с предыдущими ораторами.

Мы все прекрасно знаем, куда ведут благие намерения.

Есть такая фраза: незнание закона не освобождает от ответственности.

В данном случае – наоборот: знание того, куда ведут «благие намерения», не помогает нам.

Мы все равно туда идем.

Моя презентация – это компиляция нескольких более ранних презентаций.

Одна из них была сделана в 2018 году, когда я еще работал в Ассоциации российских банков.

Данные хотя и старые, но они очень точно отражают тот кейс, о котором я расскажу.

У нас есть такой показатель, как индекс полной стоимости кредита.

Среднерыночные значения полной стоимости кредита (ПСК) ежеквартально рассчитываются и публикуются Банком России по категориям потребительских кредитов отдельно для кредитных организаций, МФО и других финансовых организаций, кредитующих население.

В Федеральном законе № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» определены основные шаги по расчету ПСК.

Напомню, что закон с такой нормой был принят в 2013 году, а вступил в силу в 2014 году.

Казалось бы, все понятно. Берутся данные по определенному продукту по 100 крупнейшим кредиторам.

Потом считается средняя взвешенная стоимость кредита и добавляется одна треть.

Это максимум.

Если проанализировать данные за период с июня 2015 года по декабрь 2017 года – не важно, по каким продуктам, – очевидно, что у банков значения ПСК резко пошли вниз после того, как ЦБ начал публиковать данные по ПСК.

Если мы посмотрим МФО за тот же период (только давайте анализировать, а не заниматься мифотворчеством о размере ставок и прочих стереотипах), здесь все стабильно, ровненько.

Странно, да?

Конечно, можно заметить существенное сокращение той самой полной стоимости кредита и, соответственно, ограничение прав участников рынка, профессиональных участников рынка.

Я не употребляю слово «игроков», а говорю о профессиональных участниках рынка и о том, по какой ставке они могут кредитовать физических лиц.

Давайте посмотрим более детально по одному продукту, который абсолютно один и тот же в его ценовых условиях (сумма, срок, ставка) как для кредитных организаций, так и для МФО (Рис. 1).

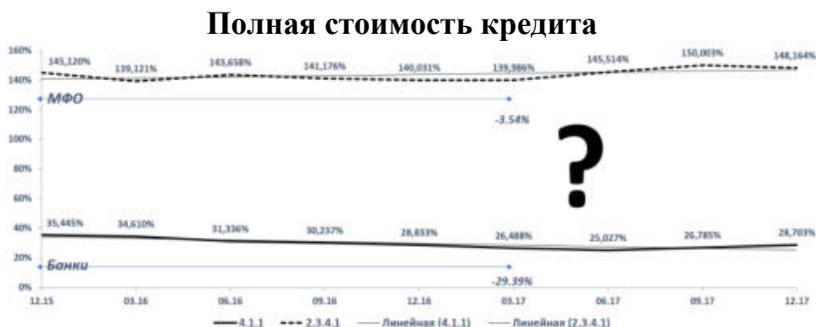

Рис. 1

Это нецелевые потребкредиты сроком до года на сумму до 30 000 рублей и потребительские микрозаймы МФО без обеспечения на срок от шести месяцев до года на такую же сумму.

За тот же период у МФО полная стоимость кредита снизилась на 3,54%.

Я специально беру самую высокую и самую низкую точку с 31 декабря 2015 года по 31 марта 2017 года.

В то же самое время у банков произошло снижение: с 35,4% до 26,5%, потом – 29,39%, далее – 29,4%.

Такая математика.

Факты – вещь упрямая.

Можно, конечно, говорить о влиянии внешних факторов.

Я проанализировал динамику ключевой ставки в тот период.

31 декабря 2015 года ключевая ставка составляла 11%.

31 марта 2017 года – уже 9,75%.

То есть относительное снижение ключевой ставки было всего лишь на 11,36%.

Стоимость фондирования тоже, казалось бы, ни при чем.

Почему произошла такая разница? Если даже говорить о снижении ключевой ставки, она снизилась в относительном соотношении существенно меньше (11,36%), чем снижение ПСК ($100\% - 26,5\% / 35,4\% = 25,14\%$).

Ответ очень простой.

Напомню, с декабря 2015 года приблизительно по декабрь 2018 года (после того как я ушел из Ассоциации, к сожалению, проект почему-то прекратился) у нас была так называемая коллаборация с компанией «Frank RG» (Юрий Грибанов) (Рис. 2).

Компания «Frank RG» с помощью АРБ обратилась к тридцати крупнейшим розничным банкам.

Тогда удалось договориться с двадцатью четырьмя из них, за исключением «Сбера» и «ВТБ», о том, что они ежемесячно представляют тот же самый отчет по полной стоимости кредита, который они ежеквартально сдают в ЦБ.

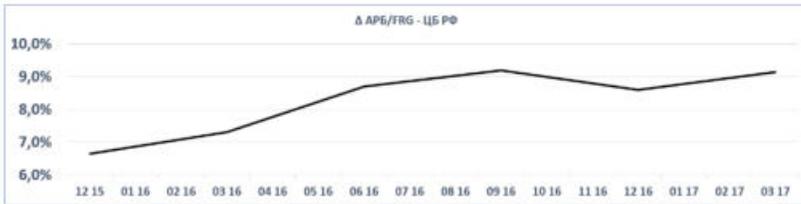

Рис. 2

Информация предоставлялась анонимно, а «Frank RG» после расчетов публиковала только агрегированные данные.

Так как публикации были ежемесячными, участникам проекта эта оперативная информация позволяла понимать, где находится рынок, где находятся конкуренты.

Разница без учета «Сбера» и «ВТБ» достигала более 9% на ту самую дату 31 марта 2017 года.

Вот вам и ответ.

Официальных данных, рассчитанных госорганами на тот период, нигде нет. Я просто помню, что доля «Сбера» тогда на рынке кредитных карт составляла 28%, доля «ВТБ» – 12%, «Альфа» и «Тинькофф» только начинали свою экспансию в районе 7–8%.

При этом еще в 2007 году было принято постановление Правительства РФ, которое четко указывало, что доля кредитной организации, превышающая 10% на единственном в Российской Федерации товарном рынке, либо 20% на смежных товарных рынках, считается доминирующей.

Волей случая получилось, что тот индекс, который считала АРБ, оказался без учета доли доминирующих участников этого рынка.

Я надеюсь, что это – маленькая подсказка некоторым депутатам о том, что не надо требовать отмены полной стоимости кредита для банков только потому, что МФО выдает займы по более высокой ставке.

И дело здесь не в защите МФО, а в том, чтобы понимать настоящие причины того, как ограничения в регулировании влияют на конкуренцию.

Что произошло дальше, объяснять не надо.

Да, некоторые государственные банки существенно уступают сейчас в розничном бизнесе частным участникам рынка, а «Тинькофф» ушел далеко вперед, тем более поскольку объединился с «Росбанком».

Еще раз вернусь в начало.

Причина падения и ограничения, даже для банков и даже без учета МФО, состояла именно в том, что в расчете использовались доли и выдачи тех самых банков, которые были доминирующими, что и привело к снижению ПСК больше, чем снижение стоимости фондирования, и при отсутствии доминирования на рынке МФО не повлияло на снижение максимальной ПСК, а заодно привело к оттоку части клиентов банков в МФО.

На 1 января 2015 года, если я правильно помню, было порядка 4000 МФО.

Пусть даже сейчас мы считаем самыми крупными из них те, которые выдают фактически 82% всех розничных займов физическим лицам онлайн, это около 118 организаций. Можно взять в расчет даже 100.

Если самый доминирующий участник рынка занимает менее 5%, то это, наверное, и есть подсказка к тому, как конкуренция может быть «смещена» и что нужно и должно сделать с таким регулированием.

Вопрос остается, учтем мы этот урок или нет.

Второе.

Национальная система платежных карт (Рис. 3).

Немного поспору с господином Волковым. Он сказал, что это лучший инфраструктурный проект.

Будучи финансистом, я внимательнее посмотрел бы на то, что они делают.

Национальная система платежных карт

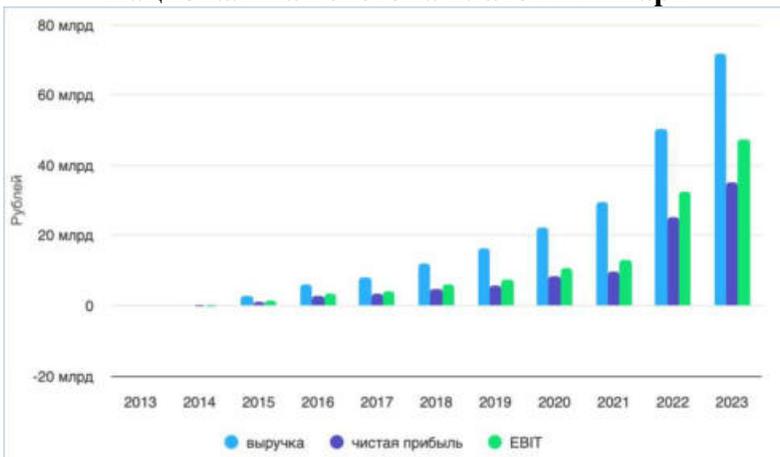

Рис. 3

Самое привлекательное предложение НСПК для физических лиц – это постоянный кешбэк за проход в метро и прочее.

Даже не буду говорить, насколько это интересно людям.

Многие ли из них будут доставать платежные или кредитные карты и оплачивать ими на виду у всех, даже просто прикладывая?

Мы же постоянно предупреждаем: «Не показывай кредитную карту, используй отдельную платежную карту для того, чтобы расплачиваться в метро».

Да, люди платят. Но я неоднократно наблюдал, что они делают это только в авральном порядке, когда за ними стоит очередь, а транспортная карта «Тройка» обнулена.

В действительности это вещь классная, но не работающая.

И Visa, и MasterCard можно обвинять в олигополии.

Посмотрите на разницу месседжей у НСПК и MasterCard.

Несколько лет назад в заявлении генерального директора НСПК прозвучало: «Нам все равно, какой банк будет».

Если у НСПК месседж: «Кешбэк – это все, что у нас есть», то у MasterCard мелким шрифтом написано: «Обращайтесь в свой банк».

Даже с точки зрения маркетинга, продвижения на рынке один месседж означает: «Мы навязываем тебе такое поведение».

Второй состоит в том, что «Иди-ка ты в свой банк, а банк придет ко мне и купит мои услуги».

Что более точно в цифровом пространстве, когда все равны?

Более эффективно – не перепрыгивать через голову банков.

«Главное, чтобы это была карта “Мир”. Будет ли этот банк завтра заниматься картами или не будет, нам все равно».

Фактически мы пришли к тому, что есть отличные проекты, которые зарождались не в НСПК.

Та же самая Система быстрых платежей.

Это фактически не технология, ничего нового технологически в ней нет. Это бизнес-технология добавления метаиндекса, метаиндентификатора.

Вместо номера карты сделали теперь номер телефона, к которому привязан номер карты или даже номер счета.

Где тут супертехнологии?

Вопрос – учтем ли мы этот урок, который привел к тому, что никаких новых суперплатежных инноваций на рынке нет.

Есть, наоборот, борьба за единый QR.

Приведу финансовые цифры НСПК по МФО.

Я попытался посчитать возврат на капитал, рентабельность капитала на 2023 год – 51% и 64%.

Как вы думаете, если компания окажется на бирже, где будет нынешний лидер финансового рынка?

«Сбер» на конец сентября официально объявил, что по РСБУ у них возврат на капитал – 23,9%.

Это «Сбер», про который все говорят «суперголубая фишка».

При этом у него возврат на капитал в два раза меньше, чем возвратный капитал НСПК.

А нет ли тут того самого монополизма?

Скажу – более чем есть.

В марте ни с того ни с сего НСПК решила, что когда люди платят с карт МФО в погашение долга, это торговая операция, и поэтому надо взимать с нее 2%.

Мы как лоббисты пытались доказать, что оплата процентов у банков не считается торговой операцией, а значит, она не может считаться таковой и у МФО. Нет ли тут результатов того самого мифотворчества?

Мы смогли добиться ее снижения обратно до 0,7%.

Этого не случилось бы, если бы мы не подняли шум, не кричали ли бы на каждом шагу и не объяснили бы ЦБ, что эти 2% будут просто переложены на потребителя.

А это приведет к еще большему росту процентных ставок или, наоборот, к снижению доступности и оттоку к нелегалам.

Этот разговор был еще в марте, когда не было такой высокой ключевой ставки, как сейчас.

Плюс есть поручение Президента РФ удвоить объем фондового рынка.

Так может быть, начнем с того, что было обещано?

Когда НСПК создавалась, было сказано: «Через три года мы выведем НСПК на акционирование».

Почему бы и нет?

Расскажу немного о Единой биометрической системе (ЕБС).

Мы все знаем, что удаленная идентификация – это переход на электронный документооборот, это доступность и это конкуренция.

Два классических кейса международного опыта – это индийский AADHAAR и Белоруссия.

У индусов подход был таким.

Государство сертифицирует центры, и в этих государственных центрах сдается биометрия.

Если ты сдаешь биометрию, то есть ряд льгот, доступных именно если сдаешь все «модальности».

И поэтому меньше чем за пять лет они добились того, что при населении 1,3 миллиарда у них 1,22 миллиарда, то есть 92% населения, зарегистрировались в системе.

Да, это был не кешбэк.

Хочешь получать деньги от государства на обучение, на продуктовую программу – сдавай биометрию.

Если я правильно помню, в первые два года деньги из двух государственных программ можно было получать, только сдав данные в государственную биометрическую систему через государственный институт.

Пример другой стороны – это Беларусь.

Что сделал президент союзного государства?

Он объявил своим указом 26 банкам (сейчас их, по моему, даже меньше – 23), что все идентификационные данные, которые есть у банков, должны быть сданы в межбанковскую систему идентификации.

Регистрируется новая информация через банк или отдельного оператора.

Этот оператор имеет один офис и не имеет их огромного количества, как имел ААДНААР.

Но дальше, если вы подтверждаете сведения, то через смс, которую легко подделать, легко послать, вы можете получить некоторые доступы.

То есть здесь нет никакой биометрии.

Не очень было понятно, что значит «уникальный» пользователь, что значит «зарегистрированный».

Потом я разобрался.

Уникальный – это на кого переданы данные.

А зарегистрированный – это физическое лицо, которое этим воспользовалось и зарегистрировалось, подтянуло туда свой актуальный номер телефона.

Это 37% населения на данный момент.

По какому пути пошли мы? Все данные передаются в ЕБС, как и в ААДНААР и Белоруссии.

Удаленно предоставляются услуги, если есть биометрия, как в ААДНААР.

Но данные в ЕБС передают банки, то есть в самом главном вопросе – наполнении базы – мы идем по белорусскому пути.

В 2020 году, когда все начали понимать, к чему это приведет, и поднялся некоторый шум о том, что, извините, на дворе ковид, и если бы мы были готовы, то была бы работающая история, всего 120 тысяч слепков было.

Основной пункт, который не был соблюден, – это конкуренция.

Об этом – чуть позже.

В 2024 году осталось то же самое.

Почему?

Да потому что банк, который привлекает клиента, тратит сейчас миллиарды на его привлечение.

Это не шутка. Это действительно миллиарды.

А потом банку говорят: «А теперь ты отдай свои данные в общую систему бесплатно».

Будет ли это работать?

Я не говорю даже про технологические сложности.

Или надо наоборот, как в Индии: «Мы все собрали. Ты нам заплатишь, но, если ты это используешь, ты будешь более конкурентен на своем рынке».

Вот почему конкуренция имеет значение.

Еще один кейс – о том, как конкуренция мешает регулированию.

Можете мне возразить, что это другая конкуренция, не конкуренция на экономическом поле.

Но это тот самый случай, когда конкуренция мешает регулированию.

Речь идет о конкуренции политической, когда депутаты раз за разом предлагают установить максимальную ставку 100% для МФО.

Мы в очередной раз обнаружили такое заключение Комитета Госдумы по финансовому рынку.

Вы, конечно, можете снизить максимальную ставку с 292% до 100%.

Но это приведет к тому, что 100% займов до 30 000 рублей и на срок до 30 дней будут недоступны людям.

И куда тогда пойдут люди?

К нелегалам.

Если немного пофилософствовать, то вопрос очень простой.

Это то самое соотношение целей и средств.

Конечно, вначале цель определяет средства.

Но неверный выбор средств в конечном счете задает итог – то, куда мы придем.

Если уж действительно вносить академическую точность в эту дискуссию, то де-факто речь идет о том, чтобы при выборе средств мы понимали, куда они нас приведут.

Если видно, что они нас ведут не туда, надо вернуться в начало и посмотреть, правильно ли мы выбрали средство для достижения целей.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Эльман.

Коллеги, еще раз обращаюсь. Если никто не просит именно сейчас задать вопрос, пойдём дальше по повестке дня. Послушаем Воронина Бориса Борисовича. Тема его доклада – «Рост экономики через “организованную конкуренцию”».

Пожалуйста, Борис Борисович, Вам слово.

ДОКЛАД 4

ВОРОНИН Б.Б.

эксперт

РОСТ ЭКОНОМИКИ ЧЕРЕЗ «ОРГАНИЗОВАННУЮ КОНКУРЕНЦИЮ»

Благодарю за возможность выступить. В каком-то смысле я подкреплю те выступления, которые были раньше.

Итак, организованная конкуренция.

В первую очередь в голову приходят какие-то ассоциации типа «сухая вода», «круглый квадрат», что-то невероятное.

На самом деле конкуренция может быть организованной.

И деятельность ФАС может быть связана не только с тем, чтобы «предотвращать и пресекать ограничивающие действия», но также, вполне возможно, и способствовать развитию конкуренции через различные рода инструменты.

Например, через требование наличия второго поставщика или даже нормативное законодательное регулирование, направленное именно на создание условий для существования и развития конкурирующих организаций, а не на регулирование и развитие какого-то одного конкретного института.

Конечно же, все, что было сказано до меня относительно конкуренции, безусловно, верно и правильно.

Все, кто принимает решения, все, кто обсуждает их, это знают.

Но, как говорил Лев Николаевич Толстой, «жизнь сносит».

Или в данном случае можно сказать, что теорию на практике всегда пытаются подвинуть.

Есть какие-то конкретные интересы – обычно это бизнес-интересы, которым конкуренция действительно противоречит.

Очень часто так оно и есть.

Что сформировалось сейчас на рынке?

Буду говорить про аспект не столько крупных участников рынка, например, крупных банков, а скорее обращу внимание на определенную модель монопольного института, которая сформировалась, о которой раньше говорили Эльман Мехтиев и другие.

Что сейчас делает государство на рынке?

Оно учреждает какое-то акционерное общество, возможно, с участием государственного органа или государственных компаний.

Дальше появляется некое обоснование, что нужно срочно создать этот монопольный институт, и никак иначе.

Никаких рыночных инструментов здесь задействовано не должно быть, поскольку есть бюджетное финансирование.

А также нужно в упрощенном порядке и напрямую регулировать деятельность в этом секторе.

Из свежих примеров – биометрия или платежные карты.

Обратная сторона этого проявляется очень быстро.

Это приоритет собственных интересов регулятора над интересами потребителей.

Не надо воспринимать регулятора как безучастного участника рынка, некоего абсолютного арбитра, который просто с высоты смотрит на ситуацию.

Нет, на самом деле у него есть очень приземленные интересы.

В каких-то случаях приходят работать «нужные люди». В каких-то случаях проще управлять этой конструкцией. Просто проще. Что им сказали, то они и сделали.

Подменяются бизнес-интересы.

Как хорошо было сказано в отношении платежных карт, бизнес-интересы подменяются интересами какой-то конкретной организации.

Фактически, например, с платежными картами, как мне объясняли платежники, сейчас сложилась ситуация, когда НСПК самостоятельно определяет, какие кешбэки устанавливать, как вообще работать с картой, какие должны быть способы привлечения клиента.

Маркетинговая программа вся настроена на уровень этого монополиста.

А банкам остается только возможность распространять карточки.

Появляются акционерные общества, которые получают исключительные права и преференции, что позволяет им избегать конкуренции.

Почему они избегают конкуренции?

Почему они не подпадают под антимонопольное регулирование?

Для меня это загадка.

Скорее всего, имеются законодательные оговорки, но по существу это загадка.

Хотя очевидно, что эти компании извлекают прибыль.

То, что показал Эльман по поводу доходов НСПК, это действительно так.

А почему монополист без всяких оговорок извлекает из рынка прибыль и повышает свою рентабельность?

Как это вообще возможно?

НСПК, Центр биометрических технологий, так называемое бюро страховых историй...

Например, биометрия.

Для нашей аудитории я поясню, что биометрия, которая собирается в Единой биометрической системе (ЕБС), предназначена не для целей государства, например, для правоохранительных органов, опознания преступников и тому подобного. У правоохранительных органов существует совсем другая система.

ЕБС – это просто коммерческая система для извлечения прибыли. Больше за ней, по большому счету, ничего не стоит.

Именно она должна способствовать развитию финансового рынка, вообще рынка в принципе, развитию электронных, цифровых технологий, способствовать просто зарабатыванию денег.

Тут нет никакой глубокой идеи, нет государственной идеологии.

СБП в ряде случаев действительно можно похвалить, но в то же время надо понимать, что она создавалась как средство борьбы с монополистом.

На тот момент единственный банк – «Сбербанк» – имел развитую систему платежей по номерам телефонов.

По Евгению Шварцу, чтобы победить дракона, надо завести своего собственного.

И эта ситуация, когда одна монополия подменяется другой, говоря откровенно, очень неприятна.

Инновации.

На практике в технологической сфере, если посмотретья, немного инноваций.

Однако расходы на них значительные, и они внедряются без учета окупаемости участниками финансового рынка.

Инновации просто навязываются участникам рынка, о чем говорил до меня представитель коммерческого банка.

Зачем это делать коммерческой организации?

Объяснений нет.

Просто это нужно государству в лице некоего акционерного общества, чтобы отчитаться о своей «инновационности» без привязки к нуждам граждан и к нуждам участников рынка.

Приведу несколько примеров. Они будут перекликаться с тем, о чем говорили ранее.

Постараюсь рассказать о том, когда все-таки что-то удалось сделать хорошо.

Конкурентная среда на примере бюро кредитных историй.

Это моя любимая тема.

Идея обсуждалась очень долго.

Не только я, но и многие здесь присутствующие принимали участие в написании Федерального закона № 218-ФЗ «О кредитных историях».

Закон исходил из того, чтобы обеспечить организованную конкуренцию на рынке.

Это была совершенно новая услуга, которую раньше фактически никто не оказывал в каких-то заметных объемах.

Но в то же время были опасения по аналогии с созданием бирж.

Помните, в 1990-е годы буквально в каждом городе была своя биржа?

В стране их было примерно 10 000.

Возможно, даже все они были внесены в специальные реестры, поскольку ФАС в то время ввела какую-то комиссию по биржевой торговле.

Но эти опасения, к счастью, не оправдались.

Появилось только порядка 20 бюро кредитных историй. За 10–15 лет в результате конкурентной борьбы на рынке осталось четыре крупнейших бюро, которые получили в Центральном банке статус «квалифицированных», и еще пара «неквалифицированных» БКИ.

Созданные условия для взаимодействия участников на рынке позволили отфильтровать, выделить приоритетные БКИ, которые способны были занять свое место на рынке.

Это живой пример конкуренции.

Мы получили хороший рынок очень качественных новых услуг, очень низкую цену и конкурентные условия.

Удачный пример, близкий к идеалу того, как должно получаться.

Существуют разные модели формирования бюро кредитных историй.

Например, может быть единая база данных.

По сути, это единая база данных, которая формируется единообразно.

При этом обеспечивается множественный доступ к этой базе различных агентов, которые дальше формируют услуги, осуществляют более тонкую настройку и обработку этих данных применительно к своим условиям.

Пожалуйста – конкурентный рынок.

Могут быть просто конкурирующие частные бюро, как в нашей стране, из которых каждое имеет свою базу данных.

Могут быть связаны государственный реестр кредитных историй, как в некоторых странах, и частные бюро кредитных историй.

Каждый занимается своим делом, в зависимости от конкретного рынка конкретной страны.

В нашей стране существуют кредитный рынок, страховой рынок, другие рынки.

Можно найти свою подходящую модель, которая при этом будет обеспечивать конкуренцию, давать все те плюсы конкуренции, о которой уже говорили, но при этом избегать минусов монополии, которые безусловны и практически непреодолимы.

Пример.

С 2005 года работают бюро кредитных историй.

А бюро страховых историй пытаются запустить с 2002 года.

В 2024 году его все-таки запустили, оно как будто бы ожило.

Сначала оно было при Ассоциации продавцов ОСАГО – Российском союзе автостраховщиков.

Потом появилось как будто отдельно бюро страховых историй как единая база данных.

Сейчас оно в третий раз перезапустилось как база данных при Центральном банке. Как минимум 22 года уже потеряны.

Что будет с третьей итерацией?

Будет ли четвертая, проживем – увидим.

Но столько лет потеряно именно потому, что пытались построить монопольную систему, которая не была востребована.

В то же время, как в случае какой-то частной конструкции, являющейся основой конкуренции, даже с участием государства, можно было это сделать гораздо быстрее и добиться лучшего результата.

Одно другому не мешает.

Сейчас появился монопольный институт при Центральном банке – Национальная страховая информационная система.

Кредитные организации не могут получать от него информацию.

При этом цена услуги установлена законодательно, и, по моим расчетам, она существенно выше, чем в тех же бюро кредитных историй.

Мы опять видим выгоду от создания такой «конторы» Банку России и дополнительные расходы участникам рынка.

Опять кто-то «правильный» трудоустроен.

Как будто Банку России нужна дополнительная прибыль, которая может исчисляться несколькими миллиардами рублей.

Мы прекрасно понимаем, что не все определяется деньгами.

Многое определяется возможностями.

В данном случае мы опять получаем очередного монополиста на том рынке, на котором мы могли бы не только иметь частную инициативу, но и действительно создать конкурирующие условия, которые позволили бы добиться новых возможностей.

Еще один пример очень занятой ситуации.

В выступлении представителя «Прио-Внешторгбанка» Михаила Волкова упоминались рейтинговые агентства.

Банк России еще до 2022 года создал специальное российское агентство, конкурирующее с международными.

Были большие амбиции.

Были куплены агентства в Европе, открыты филиалы.

Понятно, что все эти усилия пошли прахом.

При этом, хотя Банк России напрямую не вошел в капитал АКРА – российского рейтингового агентства номер один, – тем не менее много что делалось именно под это агентство.

Благодаря ФАС удалось преодолеть это неравенство.

Как только неравенство было преодолено, мы обнаружили, что, оказывается, есть и другие агентства.

И другие частные агентства, конкурирующие с этим монстром, работают даже в чем-то лучше.

Не могу этого утверждать, но цифры показывают, что рейтинги сейчас больше выдают другие агентства.

Наверное, это основной показатель востребованности.

С другой стороны, этот рынок, как будто конкурирующий с каким-то приоритетным участником, требует финансовой подпитки.

И вот придумано условие наличия двух кредитных рейтингов для доступа к финансам государства.

Это просто удвоение затрат участников рынка, заказывающих эти рейтинги, и удвоение доходов агентств, выдающих рейтинги.

И все это сделано решением надзорных и регулирующих органов.

Опять пример некорректной ситуации, когда сам регулятор и надзор финансируют рынок за счет других участников рынка.

Интересно, что сами рейтинги излишне оптимистичны в оценке.

Практически все рейтинги находятся почему-то в рамках инвестиционной шкалы.

А это вызывает вопросы, если мы сравним с оценками международных кредитных рейтинговых агентств, которые ушли из России, даже если они ушли до 2022 года.

Просто они были вытеснены такого рода регулированием.

О чем еще я хотел сказать.

Организованная конкуренция – это достижимая вещь.

Бюро кредитных историй показало эту возможность.

Есть и не очень удачный пример с кредитными рейтингами, и совсем неудачный пример, когда пытаются создать просто монопольный институт, например, как я уже сказал, бюро страховых историй.

Организованно – это значит и упорядоченно.

Мне, наверное, могут возразить.

Как может быть конкуренция упорядоченной и даже сознательно сформированной?

Мы подходим к тому, чтобы в какой-то новой или в существующей сфере была сформирована конкуренция.

На мой взгляд, не обязательно для этого применять какое-то насилие – делить банки, например.

Есть масса разных инструментов.

Когда мы регулируем какой-то рынок или создаем какие-то новые услуги, которые возникают постоянно, надо направлять усилия не на создание просто института – грубо говоря, «министерства карточек» или службы по каким-то услугам.

Необходимо создавать условия для того, чтобы эти институты возникли.

Может быть, кого-то в каком-то смысле подтолкнуть, помочь, не говоря даже про помощь в финансировании.

Если это прибыльный рынок, то он вполне может быть закрыт частными участниками рынка.

Наверное, в каждой инфраструктуре должно быть не меньше двух участников.

Ситуация, например, с платежными картами сейчас вопиющая, и все это видят.

Совершенно очевидно это доказывается цифрами.

Создание ограничения существующих монополий.

Во вступительном слове Гарегина Ашотовича Тосуняна было сказано, что крупные банки имеют очень большие доли на сложившихся рынках.

Необходимо ограничение существующих монополий.

Но при этом, прекращая существование действующих монополий, надо обойтись без создания новых монополий.

Тот же СБП при всем уважении – это просто другая монополия.

Тот же единый QR-код, который навязывается сверху взамен другого QR-кода, с уже сформированными участниками рынка, а не в параллель ему, это просто замена одного «дракона» на другого.

Уже упоминалось про альянс региональных банков.

Это созвучно с моим последним доводом о кооперативном подходе в работе каких-либо институтов.

Например, какие-то сложные институты, общие для рынка, возможно, единые, могут действительно принадлежать всем участникам рынка в кооперации, когда «один институт – один голос».

При этом прибыль не распределяется, а может быть, даже возвращается участникам, если она превышает определенный порог.

В этом – прямое ограничение тарифов и прибыли монополистов.

Почему это не делается?

Наверно, это в большей степени не законодательные проблемы, а практико-применительные вопросы.

Благодарю за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Борис Борисович. Спасибо в том числе за соблюдение регламента и за выступление.

Коллеги, у нас еще одно выступление. Александр Намсараевич Надмитов.

Пожалуйста, Александр Намсараевич, Вам слово.

ДОКЛАД 5

НАДМИТОВ А.Н.

управляющий партнер ООО «Юридическая фирма «Надмитов, Иванов и Партнеры», эксперт Международного центра конкурентного права и политики БРИКС НИУ «Высшая школа экономики»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОНКУРЕНЦИЯ

Коллеги, позвольте кратко представиться.

Я – управляющий партнер юридической фирмы «Надмитов, Иванов и Партнеры», а также эксперт Анти-монопольного центра БРИКС при НИУ ВШЭ.

Наша фирма занимает ведущие позиции в области финтеха в России по рейтингам как российских, так и международных юридических изданий.

Мой доклад посвящен технологиям и конкуренции.

Начну с цитаты из доклада Банка России 2018 года, в котором описана ситуация на рынке.

Отмечу три ключевых положения:

- как уже упоминали коллеги, в настоящее время большинство секторов российского финансового рынка характеризуются как олигополия с конкурентным окружением при относительно высоком уровне государственного участия в капитале финансовых организаций;
- одним из основных значимых условий является устойчивость финансовой системы;
- развитие конкуренции рассматривается как возможность формирования такой рыночной среды, в которой потребители обладают и пользуются правом влиять своим выбором на конъюнктуру рынка, а поставщики финансовых услуг выигрывают

конкурентную борьбу, предлагая лучшее ценностное предложение – не путем создания барьеров или ограничения конкурентов, а опираясь на рыночные источники конкурентных преимуществ.

Как отмечалось в предыдущих докладах, ситуация в этом отношении далека от идеальной.

В подтверждение приведу рекламный баннер «Сбербанка» 2018 года.

На нем изображены большой зеленый грузовик рядом с маленьким красным, крупный зеленый самолет с летящим под ним маленьким желтым самолетиком, а также большой синий корабль с небольшим буксиром рядом.

Эта реклама наглядно демонстрирует расстановку сил на рынке банковских услуг.

В частности, в 2018 году доля ПАО «Сбербанк» в сегменте карточных платежей составляла 69% в рамках торгового эквайринга, а в переводах с карты на карту достигала 94%.

Инфраструктурная монополия Банка России и государственных ведомств

Хотел бы отдельно остановиться на инфраструктурной монополии Банка России и ряда государственных ведомств, о которой уже говорили коллеги.

К ней, в частности, относятся Национальная система платежных карт (НСПК) и карта «Мир».

После ухода с рынка классической дуополии Visa и MasterCard, совокупная доля которых составляла 81,1%, их место заняла карта «Мир», чья доля в настоящее время достигает 55%.

В сфере идентификации доминирует система ЕСИА Минцифры – цифровой профиль гражданина, выполняющий важную и полезную функцию.

С 2023 года в России действует Единая биометрическая система (ЕБС), операторами которой совместно являются Банк России и Минцифры.

Банки обязаны передавать туда всю биометрическую информацию.

На это они несут значительные затраты: данные в ЕБС сдаются бесплатно, однако за их последующее использование приходится платить, получая векторы изображений.

При этом банки жалуются на низкую скорость предоставления информации и ряд других проблем.

Также развивается проект универсального QR-кода.

С 10 октября 2024 года Банк России представил единый стандарт, а в настоящее время готовится проект федерального закона, предусматривающий введение универсального QR-кода от НСПК.

С 11 июля 2025 года планируется запуск цифрового рубля. Сейчас реализуется пилотный проект с участием 13 системно значимых банков.

Особенностью данной системы является то, что платежи проходят напрямую через приложение, минуя банки.

Кроме того, с осени 2022 года Банк России запустил концепцию внедрения открытых API на финансовом рынке, предусматривающую единый стандарт обмена данными.

НСПК и карта «Мир»

После ухода с российского рынка в 2022 году международных платежных систем Visa и MasterCard, совокупная доля которых составляла 81,1%, а также прекращения работы сервисов Apple Pay и Google Pay, ключевая роль в национальной платежной инфраструктуре закрепились за Национальной системой платежных карт (НСПК).

Именно НСПК обеспечивает обработку всех внутри-российских операций по банковским картам.

Одним из основных инструментов НСПК является платежная система «Мир».

По состоянию на 1 января 2024 года карты «Мир» занимают более 55% всего российского рынка платежных карт как по эмиссии, так и по объему операций.

Всего выпущено свыше 287,3 миллиона карт «Мир».

Отдельного упоминания заслуживает развитие национальных сервисов мобильных платежей, которые пришли на смену зарубежным платформам.

В частности, активно продвигаются приложения MirPay и СБПэй, обеспечивающие пользователям удобные и безопасные инструменты безналичных расчетов внутри страны.

Биометрия и ЕСИА

В 2018 году в России была создана Единая биометрическая система (ЕБС).

С 2023 года ее оператором является ПАО «Ростелеком».

Биометрические данные граждан хранятся в государственной информационной системе ЕБС в зашифрованном виде.

Банки при этом получают доступ не к самим данным, а лишь к их математическим кодам – так называемым векторам ЕБС – и делают это на платной основе.

По состоянию на февраль 2024 года в системе было зарегистрировано около 70 миллионов записей.

При этом сохраняются серьезные проблемы: «задвоение» биометрических профилей, низкая скорость передачи векторов, а также замедленный рост количества новых профилей.

Возникает вопрос о государственном монополизме: несмотря на развитие ЕБС, крупнейшие банки – такие как «Сбербанк» и «Альфа-Банк» – продолжают поддерживать и развивать собственные биометрические системы.

Отдельно стоит отметить, что две трети клиентов уже не посещают отделения банков, что напрямую повышает значимость удаленных инструментов идентификации.

Важным элементом цифровой инфраструктуры остается ЕСИА – цифровой профиль гражданина, который развивается под управлением Минцифры и служит базой для взаимодействия граждан с государственными сервисами.

Платежный QR

10 октября 2024 года Банк России представил единый стандарт универсального QR-кода, разработанный на базе НСПК.

В настоящее время готовится проект федерального закона, который закрепит использование данного стандарта.

Параллельно действует консорциум крупнейших игроков – «Сбербанка», «Альфа-Банка» и «Т-Банка», который на базе технологии MultiQR «Сбера» объединяет 18 банков, контролирующих 88% рынка.

Ключевой вопрос состоит в том, кто именно будет создавать и администрировать страницу оплаты, возникающую после сканирования QR-кода, а также какие способы оплаты будут на ней продвигаться в первую очередь.

Дополнительную значимость приобретает и тема тарифов, которые могут различаться для участников системы.

Дискуссия по данному вопросу остается острой.

Герман Греф заявил, что Банк России фактически формирует монополию и препятствует развитию инноваций.

В ответ Центробанк настаивает на том, что речь идет лишь о создании инфраструктурного стандарта, подобного «единой розетке», обеспечивающего совместимость и универсальность для всех участников рынка.

Цифровой рубль

15 августа 2023 года в России стартовал пилотный проект с участием 13 системно значимых банков, а с 1 июля 2025 года запланирован полноценный запуск цифрового рубля.

С точки зрения конкуренции цифровой рубль обладает рядом преимуществ.

Во-первых, доступ к цифровому кошельку возможен через любую финансовую организацию, где обслуживается клиент.

Во-вторых, снижаются затраты на проведение операций.

В-третьих, повышается доступность финансовых услуг для населения и бизнеса.

При этом цифровой рубль является обязательством Банка России, что обеспечивает высокий уровень доверия к новому инструменту.

Вместе с тем у проекта есть и серьезные последствия для конкурентной среды.

Платежи будут осуществляться напрямую через приложение Банка России, минуя банки как посредников.

Кроме того, предполагается создание единого мобильного приложения и единой платформы для всех операций с цифровым рублем, что может существенно изменить расстановку сил на финансовом рынке.

Открытые API

Открытые API обеспечивают доступ к данным клиента любой компании при условии наличия его согласия.

Такая модель позволяет создавать и внедрять новые платежные продукты на основе обработки клиентских данных и распоряжений.

В частности, это касается:

– поставщиков услуг по предоставлению информации об аккаунтах (Account Information Service Providers, AISP);

– поставщиков услуг по инициированию платежей (Payment Initiation Service Providers, PISP).

Осенью 2022 года Банк России представил концепцию внедрения открытых API на финансовом рынке, предусматривающую разработку единых стандартов обмена данными и формирование модели «открытых финансов».

В развитие этой инициативы Банк России совместно с Минцифры создал прототип Платформы коммерческих согласий, которая должна обеспечить безопасное и прозрачное использование клиентских данных в цифровой экономике.

Система быстрых платежей (СБП)

Система быстрых платежей была запущена в январе 2019 года и с тех пор стала одним из ключевых инструментов безналичных расчетов в России.

По итогам 2023 года, через СБП было проведено 5,5 миллиарда операций на общую сумму 27,7 триллиона рублей. Это составило около 16% всех платежей в стране. При этом около 75% всех операций в СБП приходится на «Сбербанк».

С 1 февраля 2024 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 4 августа 2023 года № 482-ФЗ.

В соответствии с ними денежные переводы через СБП между счетами клиентов в одном банке на сумму до 30 миллионов рублей осуществляются без комиссии.

СБП постепенно трансформирует рынок платежей: в период 2020–2022 годов она способствовала заметному сокращению доли наличных расчетов.

А в 2023 году около 30% транзакций, ранее проходивших по схеме card-to-card, перетекли в Систему быстрых платежей.

Таким образом, СБП стала значимым фактором изменения структуры российского платежного рынка, снижая зависимость от традиционных карточных транзакций и способствуя развитию конкуренции между банками.

По итогам 2023 года, Система быстрых платежей занимает значимое место в платежной инфраструктуре России. Сегодня около 16% всех платежей в стране осуществляется именно через СБП.

Это свидетельствует о росте безналичных расходов и постепенном перетоке операций из традиционных схем card-to-card в Систему быстрых платежей.

Отдельно стоит отметить изменения в конкурентной среде.

Доля «Сбербанка» в сегменте карточных переводов снизилась с 94% до 75%.

Это означает, что часть ликвидности, ранее концентрировавшейся в крупнейшем банке, перераспределилась в пользу других участников рынка.

Можно задать вопрос: превращается ли Россия в «страну победивших бесплатных переводов»?

Снижение комиссий и развитие СБП ведут к усилению конкуренции между банками, а главным бенефициаром этих изменений становятся потребители, которые получают более доступные и выгодные финансовые сервисы.

Таким образом, СБП не только изменила структуру рынка переводов, но и стала фактором, способствующим повышению конкуренции и созданию более справедливых условий для клиентов разных банков.

Прогноз развития безналичных расчетов

По оценке Банка России, в ближайшей перспективе доля безналичных расчетов в России продолжит уверенный рост и достигнет уровня 90–92%.

Этот прогноз отражает уже сложившийся тренд: все больше граждан и компаний предпочитают использовать цифровые инструменты для проведения операций, что постепенно вытесняет традиционные наличные платежи.

Рост безналичных расчетов будет способствовать дальнейшему развитию финансовых технологий, усилению конкуренции между банками и повышению доступности современных платежных сервисов для населения.

Динамика рынка платежей

За последние годы рынок платежных услуг в России претерпел значительные изменения.

В 2017 году ключевые тенденции только намечались, однако к 2023 году сформировалась устойчивая динамика, определяющая развитие финансового сектора.

Во-первых, наблюдается активный рост Системы быстрых платежей (СБП) и в целом безналичных расчетов.

Важным фактором ускорения этих процессов стали карантинные ограничения, которые стимулировали потребителей и бизнес активнее использовать цифровые каналы.

Во-вторых, усилилось влияние цифровых экосистем, формирующих вокруг себя интегрированную среду финансовых и нефинансовых сервисов.

Это не только изменило привычки потребителей, но и оказало заметное воздействие на конкурентную структуру рынка.

Таким образом, к 2023 году рынок платежей в России вошел в фазу качественного преобразования, в котором цифровизация и экосистемный подход стали ключевыми драйверами развития.

Эквайринг, комиссии и e-commerce

Комиссия за эквайринг в 2022 году составляла в среднем от 1,2% до 2,2%.

При этом 98% оборота в электронной коммерции приходится на безналичные расчеты, что делает рынок эквайринга ключевым сегментом финансовых услуг.

Особое значение приобретают маркетплейсы.

В 2023 году рынок электронной коммерции на этих платформах вырос на 40% и достиг 8 триллионов рублей.

Более 80% всех онлайн-заказов приходится на двух крупнейших игроков – «Wildberries» и «Ozon».

Потенциальный объем комиссий за эквайринг на маркетплейсах оценивается в 100–180 миллиардов рублей ежегодно.

Эти показатели актуализируют вопрос о восприятии эквайринга как аналога оборотного налога на e-commerce и о том, каким образом государство может регулировать столь быстрорастущий сегмент.

Таким образом, рынок электронной коммерции становится драйвером роста не только для платежной индустрии, но и для сопутствующих финансовых сервисов.

Высокая доля безналичных расчетов и концентрация заказов на крупнейших маркетплейсах формируют новые вызовы для конкуренции и регулирования в сфере эквайринга.

Банки маркетплейсов: 2021 год

В 2021 году крупнейшие российские маркетплейсы начали формировать собственные банковские структуры, усиливая свою роль не только как торговых площадок, но и как участников финансового рынка.

Так, появились «Вайлдберриз Банк», «Озон Банк» и «Яндекс Банк».

Эти проекты позволили маркетплейсам интегрировать финансовые сервисы непосредственно в свои экосистемы и предложить клиентам более удобные инструменты оплаты и расчетов.

Пополнение счетов в таких банках стало возможно через Систему быстрых платежей (СБП), а пользователям предлагались скидки до 3%.

Несмотря на то, что в 2021 году доля маркетплейсов составляла лишь около 2% рынка электронных денег, этот сегмент продемонстрировал высокий потенциал для дальнейшего роста.

Таким образом, создание собственных банков крупнейшими игроками e-commerce стало важным шагом в развитии цифровых экосистем, что в перспективе изменило конкурентную структуру как платежного, так и банковского рынков в России.

Банки маркетплейсов – 2024 год

К 2024 году банки маркетплейсов заняли значительную долю рынка электронных денег – около 40%, что означает рост почти в 20 раз по сравнению с 2021 годом.

Таким образом, маркетплейсы превратились не только в крупнейшие торговые площадки, но и в серьезных игроков на финансовом рынке.

Однако такая экспансия вызывает ряд вопросов.

Возникает сложный кейс: не приводит ли усиление позиций банков маркетплейсов к недобросовестной конкуренции?

Выигрывают ли от этого потребители, или же им навязываются ограниченные каналы оплаты и продаж?

Важную роль в новых условиях начинает играть институт небанковских поставщиков платежных услуг.

Речь идет не только о банках, но и о финтех-компаниях, страховых организациях, брокерах, микрофинансовых организациях и других участниках, способных предлагать альтернативные сервисы и повышать уровень конкуренции.

Таким образом, развитие банков маркетплейсов в 2024 году становится ключевым фактором трансформации рынка электронных денег, создавая новые возможности, но одновременно и новые вызовы для регулирования и защиты интересов потребителей.

Банки маркетплейсов – депозиты

Динамика депозитов в банках маркетплейсов показывает стремительный рост их роли в финансовом секторе.

Так, в мае 2023 года объем средств физических лиц в «Яндекс Банке» составлял всего 0,8 миллиарда рублей, а в «Озон Банке» – 0,4 миллиарда рублей.

Однако уже к 2024 году эти показатели выросли кратно: в «Яндекс Банке» объем депозитов достиг 38,2 миллиарда рублей, а в «Озон Банке» – 10,4 миллиарда рублей.

Таким образом, за один год «Яндекс Банк» увеличил депозитную базу почти в 50 раз, а «Озон Банк» – более чем в 25 раз.

Эти темпы роста свидетельствуют о высоком доверии клиентов к финансовым сервисам маркетплейсов и о

том, что последние становятся не только торговыми, но и значимыми финансовыми экосистемами.

Для сопоставления: крупнейший игрок российского банковского рынка «Сбербанк» располагает депозитной базой в объеме 22,6 триллиона рублей, что составляет 42,8% от всех средств физических лиц в стране.

Таким образом, хотя банки маркетплейсов пока далеки от масштабов системно значимых банков, динамика роста позволяет рассматривать их как серьезных конкурентов на горизонте ближайших лет.

Коммодитизация банковских услуг

Одной из ключевых тенденций на мировом рынке финансов является коммодитизация банковских услуг, то есть превращение их в стандартный массовый продукт, доступный в первую очередь через цифровые платформы.

В Китае доминируют сервисы WeChat Pay и Alipay, которые контролируют около 90% рынка мобильных платежей.

Они фактически сформировали альтернативную банковскую экосистему, где привычные финансовые услуги встроены в повседневные цифровые приложения.

В США и Канаде лидером является Apple Pay, доля которого на рынке мобильных платежей достигает 90%.

Кроме того, на этот сервис приходится около 48% всех цифровых платежей в магазинах.

В Европейском союзе Apple Pay занимает второе место, что также свидетельствует о высокой степени проникновения.

11 июля 2024 года Европейская комиссия вынесла решение по делу AT.40452 («Apple» – «Mobile Payments»), обязав компанию открыть доступ к NFC-чипу iPhone для сторонних платежных приложений.

Это решение стало важным шагом в обеспечении конкурентной среды и снятии технологических барьеров для альтернативных игроков.

Таким образом, мы наблюдаем глобальный процесс, при котором технологические компании становятся все более значимыми участниками финансового рынка, вытесняя традиционные банки из ключевых сегментов розничных платежей.

Преимущества больших технологических компаний (BigTech)

Большие технологические компании обладают рядом преимуществ, которые позволяют им успешно конкурировать с традиционными финансовыми организациями и формировать собственные экосистемы.

Во-первых, они располагают обширной клиентской базой, изначально ориентированной на получение цифровых продуктов.

Это обеспечивает органичное встраивание финансовых сервисов в экосистему и позволяет расширять линейку продуктов без серьезных издержек на привлечение пользователей.

Во-вторых, у BigTech более развитые технологии в области анализа больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (AI) и прогнозирующих алгоритмов.

Эти инструменты задают стандарты качества и скорости обслуживания для всей отрасли.

В-третьих, крупные технологические компании могут использовать финансовые потоки и клиентские базы, сформированные в других сегментах, что усиливает их позиции в финансовой сфере.

Кроме того, по силе и узнаваемости бренда BigTech зачастую не уступают ведущим финансовым организациям, что способствует доверию пользователей к их новым продуктам.

Наконец, они действуют в гораздо менее регулируемой среде, а иногда и вовсе без прямого регулирования, что дает им значительные конкурентные преимущества в скорости внедрения инноваций.

Примером может быть «Starbucks». Он является крупным банком, так как у него на остатках клиентских карт, которые дают скидки, скапливаются огромные суммы – 2–3 миллиарда долларов в год.

Таким образом, BigTech-компании становятся важнейшими игроками на рынке финансовых услуг, создавая серьезные вызовы как для традиционных банков, так и для регуляторов.

Краткие выводы

Первое.

Мы наблюдаем процесс коммодитизации банковских продуктов: финансовые услуги становятся массовым стандартом и теряют уникальность, что приводит к усилению конкуренции по цене и качеству сервиса.

Второе.

Растет доля крупных технологических компаний и цифровых экосистем на финансовом рынке.

Они активно внедряют финтех-решения в свои платформы, расширяют спектр услуг и тем самым формируют альтернативу традиционным банкам.

Третье.

Сохраняется и усиливается роль государства и его инфраструктуры.

Национальные проекты – такие как Система быстрых платежей, цифровой рубль, карта «Мир», Единая биометрическая система и универсальный QR-код – становятся ключевыми элементами новой финансовой архитектуры.

Четвертое.

Возникает фундаментальный вопрос: ведет ли цифровизация к росту конкуренции или, напротив, к усилению монополизации?

Внедрение новых технологий требует значительных инвестиций, которые не всегда по силам небольшим игрокам.

На этот вызов предстоит ответить как регуляторам, так и самим участникам рынка.

Всем спасибо за внимание. Если есть какие-то вопросы, буду рад ответить.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Цифровизация ведет к большей монополизации – важный тезис.

Пожалуйста, Михаил Ершов.

ЕРШОВ М.В.

д. э. н., главный директор по исследованию финансовых рынков Института энергетики и финансов

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Добрый день, уважаемые коллеги!

Как всегда, очень интересная, сфокусированная дискуссия.

У меня два коротких комментария, которые, может быть, потом будут означать еще и вопросы.

Если найдутся желающие на них ответить, будет крайне интересно.

Мы входим в новые реалии во всех смыслах: и в технологическом, и в экономическом, и в геополитическом.

Напомню события прошлой весны.

Тогда за очень короткий период, за рекордное количество дней обанкротились несколько ведущих крупных американских банков.

Причем они были высокотехнологичными, то есть все были в сфере хай-тек, быстрых платежей, других современных банковских инноваций.

В этой связи возникает вопрос, или скорее даже опасение.

Учитывая, что эти тенденции присущи всему миру, они будут становиться все более и более актуальными и для России.

Надо быть готовыми и нам в будущем столкнуться с такими рисками и вызовами.

Нам надо заранее подумать о том, какими должны быть подходы к регулированию и его механизмы, чтобы избежать подобных рисков и того негативного эффекта, с которым столкнулись наши зарубежные коллеги.

На их опыте мы увидели, что, столкнувшись с такой технологической реальностью, они не смогли с ней справиться и обанкротились буквально за несколько дней.

Вопрос: что нам необходимо предпринять, чтобы не допустить подобного у себя?

В этой связи комментарий номер два.

Не с этим ли связаны и опубликованные год назад подходы в стратегии крупнейшего американского банка «JPMorgan Chase»?

В «JPMorgan» определили, что главным драйвером стратегии их роста на будущие годы будет развитие филиальной сети.

То есть, по сути, они хотят вернуться в предтехнологическую эпоху?

Такая стратегия, с их точки зрения, будет сопряжена с наименьшим количеством рисков.

Похоже, это повлечет за собой качественный отход от современных технологий, от современных вызовов к чему-то более фундаментальному, устойчивому, как это было 20–30–50 лет назад.

Наша финансовая и банковская системы должны быть готовы эти подходы рассмотреть и сделать для себя какие-то полезные качественные выводы, поскольку все эти риски для нас точно актуальны.

То есть, анализируя ситуацию, с которой сталкиваются наши конкуренты, надо попытаться заранее сделать все возможное, чтобы максимально уменьшить все риски.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

ВОЛКОВ М.В.

Я возвращаюсь к дискуссии по поводу расчетной функции банков и взимания за нее платы.

Поясню на примере цифрового рубля.

Центральный банк решил сделать цифровой рубль.

В концепции цифрового рубля предусмотрено участие коммерческих банков. Положа руку на сердце, они вообще там не нужны.

Счета каждого гражданина или юридического лица открываются непосредственно в Центральном банке, все управление этими счетами осуществляется без участия коммерческих банков.

То есть это полностью централизованная система.

Для гражданина или юридического лица минусы состоят в том, что предусмотрена только идеальная расчетная функция. Там не получишь проценты, не получишь кредиты.

За эту расчетную функцию Центральный банк будет взимать определенную комиссию.

Надеюсь, что эта комиссия не будет выражена в процентах от суммы.

Потому что в цифровом мире затраты на проведение транзакций не зависят от суммы транзакций.

Если говорить о переводах между гражданами или между юридическими лицами...

Есть, кстати, банки с ограниченными лицензиями, без права кредитования и без права привлечения вкладов.

Они осуществляют только расчетную функцию.

Например, если мы имеем дело с инкассацией, то себестоимость этой услуги для моего клиента связана с физическим перемещением денежных средств, с физическим пересчетом денежных средств.

То есть мои затраты являются функцией от количества денег, которые я инкассировал.

В цифровом мире все не так.

Но если уж люди привыкли к 2% комиссии по эквайрингу за перевод денег, хотя это огромные комиссии в процентах от суммы, то почему бы их и не взять?

Платят же...

Альтернативы особой нет.

В цифровой мир перешли комиссии из XVII–XVIII веков.

Теперь по поводу возможности равной цены для всех потребителей и заявленного лозунга о том, что все средства платежа должны приниматься одинаково.

Напомню, что в «Wildberries» был бунт против такой системы.

Они установили разные цены при различных формах оплаты: по СБП комиссия была 0,5%, по карточкам – 2%.

Потребитель получил возможность выбирать.

А почему для потребителя, который не пользуется кешбэками, продавец все равно закладывает в цену эти 2%?

Я переплачиваю за товар, а кто-то получает кешбэк.

Продайте мне две услуги отдельно: отдельно – товар, отдельно – услугу по переводу денежных средств.

Когда мы прячем цену за перевод денежных средств в стоимость товара, а потом кому-то стимулируем продажу за счет кешбэка, мы нарушаем права других потребителей, которые этим кешбэком не пользуются.

Это основа мисселинга – запрятать одну услугу в другую. И в моем примере в классическом виде имеется грандиозный мисселинг.

И об использовании инструментов мягкой силы в отношении СБП.

Я не предлагаю менять карточные системы и регулировать тарифы, даже несмотря на то, что там абсолютная монополия.

Когда еще Центральный банк владел и распоряжался Системой быстрых платежей, я предлагал следующее.

Надо определить его как крупнейший инфраструктурный проект наряду с проектом цифрового рубля и заложить в тарифы новые принципы ценообразования.

Тогда не было бы этих споров по поводу того, какой QR применять – «Сбера» или СБП.

Сами предприятия торговли выбирали бы в качестве основного средства эквайринга Систему быстрых платежей.

Она бы определила стандарт де-факто на тарифообразование в этой области.

При этом карточки «Мир» просто-напросто потихонечку начали бы умирать или, по крайней мере, изменять тарифы на платежи с транзакции, а не в процентах от суммы.

По-моему, на такие базовые вещи нужно обращать внимание.

Все комиссии по платежам, которые не связаны с физическим перемещением денежных средств, должны быть отвязаны от суммы операций.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Кстати, напоминаю всем докладчикам: посмотрите в чате вопросы, на которые ответите в своем заключительном слове или, если захотите, прокомментируете раньше.

Пожалуйста, Эльман.

МЕХТИЕВ Э.О.

Я хочу привести один пример.

И западный, и наш рынок ввели ограничение эквайринга для MasterCard и Visa.

Что случилось в Европе?

Не упали никакие цены у продавцов.

В 2020 году ограничения ввели у нас, все возмутились: это оборотный налог.

Через год Артем Соколов, руководитель определенных компаний розничной торговли, публично заявил о том, что найден товар, на который цены понизились.

Знаете, на какой товар?

Электрические зубные щетки.

Это товар самой первой необходимости?!

Он потом год от меня шарahalся, потому что, само собой, я это вынес в публичное пространство.

Поэтому, коллеги, когда я говорю про регулирование цен, я не имею в виду ситуацию по эквайрингу, не имею в виду то, что творится в торговых сетях.

Это действительно другая история.

Я говорил про финансовые институты.

Хочу подтвердить свои соображения.

Когда тарифы для брокеров по перечислениям me2me составляют 0,4%, а для МФО, когда люди погашают проценты – 0,7%, это стало поводом для обращения к регулятору.

Причем я сделал это дважды.

Первый ответ был ни о чем, потому что тариф в этой части установлен Центральным банком.

Второй ответ был такой: «Нельзя снизить комиссию для МФО до уровня брокеров, потому что это нарушит конкурентную ситуацию».

После этого я спросил у автора ответа: нарушит конкурентную ситуацию кого – МФО или брокеров?

Брокеров, которые перечисляют миллионы, и физических лиц, которые погашают долги МФО максимум по 10 000 рублей?

Нужно всегда анализировать бизнес-кейс и только потом принимать решение.

Весь мой месседж именно про это.

Нужно предвидеть последствия, тем более если бизнес-сообщество их знает не только по нашему опыту, но и по опыту других стран.

Поэтому регулирование и конкуренция действительно должны находить баланс.

Да, есть цели, их нужно достигать, но средства должны быть работающие, а не те, которые прекрасно дают голоса на выборах, но не дают практических результатов.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Игорь Эдуардович Логинов.

ЛОГИНОВ И.Э.

заместитель директора департамента по работе с органами государственной власти и общественными организациями Ассоциации российских банков

Логинов И.Э.: Спасибо большое.

У меня две небольшие темы.

Первое – мне хотелось бы немного сказать по поводу льготного кредитования.

Проблемы с доступом банков к программам льготного кредитования – это все-таки проблемы не с буквой, а с духом.

Возникают ситуации, когда органы государственной власти и распорядители бюджетных средств, которые реализуют ту или иную госпрограмму, манкируют своими обязанностями вносить в программу изменения, допускающие участие в ней всех заинтересованных банков.

Потом они все-таки принимают необходимые изменения, но дополнительный отбор банков не проводят, и их никто не заставляет это делать.

Уже отобрав нужное количество банков-участников для программы – 20, 40 или 60 банков, – они считают это достаточным и не расширяют число участников.

Но даже внеся изменения и проведя дополнительный отбор, они начинают «играть» с лимитами на банк.

Создается ощущение, что Правительство Российской Федерации не проводит среди своих подразделений, министерств и ведомств работу по разъяснению важности конкуренции, важности доступа к программам всех заинтересованных участников.

Послушав выступающих, я понял, что проблемы с конкуренцией есть по разным направлениям, и появилось

предложение структурировать проблемы с конкуренцией, сформировать что-то наподобие «карты проблем».

Первый блок – конкуренция среди коммерческих банков.

С одной стороны, есть «Сбер» – доминирующий участник, на который приходится примерно 35–40% банковских операций.

Но представляется разумным выделить группу банков с государственным участием.

Ведь когда мы говорим о каких-то частных группах, мы говорим: «аффилированные лица», «связанные заемщики».

Наверное, мы могли бы и здесь говорить, что банки, которые имеют одного контролирующего собственника в лице Правительства РФ, – это группа связанных банков.

Но тогда получается, что группа таких банков и их «дочек» контролирует около 75% банковского капитала России.

А это уже не доминирование, это уже что-то очень близкое к монополии.

Пока эти банки, слава Богу, не проводят единую политику и не очень координируют свою деятельность.

По данным Банка России, индекс конкуренции на банковском рынке равен 1400.

Интересно пересчитать этот показатель при условии, что мы определим как одного участника группу банков, где государство имеет контрольный пакет.

Второй блок – нарушения конкуренции, проистекающие из решений Правительства РФ.

И тут ярким примером является допуск банков к программам льготного кредитования.

Третий блок – роль Банка России.

Сегодня Центральный банк играет большую роль в формировании банковской инфраструктуры.

Часть этой инфраструктуры прекрасно могли бы строить сами участники рынка, как это и происходит в развитых странах.

Здесь было бы разумно, если бы ЦБ озвучивал свои мысли по созданию недостающей инфраструктуры и инициировал бы активность банков по формированию пула, который эту идею и реализовал бы на рыночных принципах.

Как это было с созданием биржи или бюро кредитных историй.

Это примеры правильного создания рыночной инфраструктуры на рыночных принципах – когда ее создателями выступили сами банки.

В качестве отрицательного примера можно привести АО «Национальная система платежных карт» (НСПК), 100% акций которого принадлежит Банку России.

Напомню, что НСПК является оператором платежной системы «Мир», а также операционным и платежным клиринговым центром Системы быстрых платежей.

Тосунян Г.А.: Извините, Игорь, уточню.

Несмотря на то, что сейчас на рынке четыре квалифицированных кредитных бюро, только НБКИ является примером коллективного межбанковского создания этого института. Остальные бюро банки как раз под себя создавали.

Это очень яркий пример того, к чему мы склонны с точки зрения диверсификации своих институтов или монополизации их под крупнейших участников.

Это просто поправка, чтобы у людей не было иллюзий, что разные банки собирались и создавали разные бюро кредитных историй.

НБКИ – единственный пример действительно не монопольного, а коллективного объединения банков.

Логинов И.Э.: Спасибо, Гарегин Ашотович.

С одной стороны, Вы продемонстрировали, что дьявол в деталях. С другой – что вода щелочку найдет.

Желая как-то выйти за периметр конкурентного рынка, участники всегда будут стараться создать что-то дающее им преимущества и какие-то преференции.

Четвертый блок – надзор за банками и его адаптация к размерам банка и проводимых им операций.

Если посмотреть на систему налогообложения юридических лиц, то мы видим, что есть стандартная система налогообложения для предприятий.

Но есть и «маленькие» предприятия, для которых стандартная система налогообложения дорога и трудна, и для них введена более легкая, упрощенная система налогообложения.

Оказывается, что есть еще «микроскопические» предприятия, для которых определена патентная система.

То есть мы видим, что система налогообложения удешевляется и упрощается в зависимости от масштаба бизнеса того или иного субъекта.

Представляется разумным перенести такой опыт на банковскую систему, применив принцип пропорционального регулирования, когда на банк накладывается та система регулирования, которая соответствует масштабу его операций.

То есть тяжесть и сложность регуляторных требований Банка России пропорционально зависят от реального

бизнеса и реальных объемов контролируемой операции банка.

Михаил Владимирович Волков рассказывал, что когда проверяющий приходит в «Сбер», то в его Рязанском отделении проводятся какие-то небольшие выборочные проверки.

Когда же приходят в региональный банк, то проверяется 90% всех кредитных договоров.

Понятно, что региональный банк – это, условно, 1% от того же «Сбера».

Поэтому здесь получается такой перекосяк.

Это уже политика Банка России, и он должен взвешенно выстраивать эту политику, чтобы стимулировать развитие, а не угнетение банков.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллега Столяров поднимал руку, пожалуйста.

к. э. н. **СТОЛЯРОВ А.И.** – акад. **ТОСУНЯН Г.А.**

СТОЛЯРОВ А.И.

к. э. н., заместитель заведующего базовой кафедрой
инфраструктуры финансового рынка факультета
экономических наук НИУ ВШЭ

Столяров А.И.: Добрый день!

Хочу сказать, что я не против конкуренции.

На самом деле я не услышал много примеров использования доминирующего положения отдельных игроков.

Не услышал и конкретных предложений по развитию конкуренции на рынке.

Если все сводится к тому, чтобы дать банкам доступ к льготным государственным программам, к фондированию, мне кажется, тут достаточно снизить административное давление.

Много говорили по поводу цифрового рубля. О том, что банкам очень много приходится тратить на цифровой рубль.

А что тут делать? Это объективная вещь, которая имеет место быть.

Тосунян Г.А.: Вы немного не так услышали.

На старте говорилось о том, что вхождение в цифровой рубль не является «обязаловкой».

Поэтому те, кто сочтет необходимым, кроме системно значимых банков, могут предоставить клиентам доступ к операциям с цифровым рублем, а остальным пока можно этого не делать.

Сегодня же это становится обязательным для всех банков.

Это один из примеров, когда не надо вводить требования, которые фактически непосильны для банков меньшего уровня и, что еще важнее, не нужны их клиентам.

Есть и масса других предложений.

Мне придется комментировать сейчас доклады всех выступающих, чтобы объяснить, что предложений очень много.

Столяров А.И.: Если углубиться в историю...

Например, в Великобритании в свое время была проведена последовательная реформа финансового сектора. Это тоже надо понимать.

В свое время там была приватизирована британская государственная автобусная компания, и их стало 28. Через 3 года осталось 3 компании.

Была национализирована энергетическая компания «BP» («British Petroleum»), она оказалась монополистом.

В итоге была создана альтернативная частная компания, специально под нее создано министерство, которое за этим наблюдало.

Если говорить о регулировании британского финансового сектора, либерализация финансового сектора в итоге привела к тому, что появился мегарегулятор, который, кстати, сильно ужесточил требования к участникам рынка.

В этом есть такая объективная вещь, ее тоже надо как-то учитывать.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Михаил Владимирович, Вы что-то еще хотели добавить?

ВОЛКОВ М.В.

По поводу того, что рынок не реагирует на снижение тарифа снижением цен на товары.

Я приводил уже в пример «Wildberries», который хотел установить дифференцированные цены в зависимости от способа оплаты.

Второй пример – бытовой, недавний.

Приведу свой диалог с кассиром в магазине.

«У вас карта?»

«Карта».

«А не “Халва”, случайно?»

«Нет, не Халва».

«Ой, хорошо, тогда все, давайте картой».

«А если б “Халва” была?»

«А тогда бы терминал сломался».

«Хорошо, давайте я вам через СБП оплачу, там будет для вас тариф по эквайрингу 0,5, а не 2».

«Ой, спасибо, спасибо».

Я не предлагаю каким-то образом трогать карточные системы.

Я предлагал Центральному банку на самом первичном этапе ввести стандарт де-факто по СБП не в процентах от суммы платежа, а грубо говоря, рубль за транзакцию.

Но от этого предложения они отмахнулись.

Предварительно просчитывал количество осуществляемых транзакций, сумму выручки компаний и затраты по официальной отчетности.

По идее, там на все должно хватать.

А дальше, если мы в явном виде эти тарифы показываем, хочешь получить кешбэк – переплати за товар 2,5% и получи кешбэк 5–10%.

А я заплачу СБП и товары куплю дешевле.

Почему возникает этот вопрос по СБП?

Казалось бы, он, по большому счету, не касается конкуренции именно в банковской сфере, а если касается, то не напрямую, а опосредованно.

Посмотрим по малым и средним банкам.

С одной стороны, мы обязаны, чтобы сохранить клиентскую базу физических лиц, иметь карточные проекты.

С другой стороны, наши инфраструктурные затраты на поддержание этих проектов еле-еле оправдываются теми комиссиями, которые мы получаем.

Сама технология тяжеловесная, устаревшая, она не рассчитана на то, чтобы на этом зарабатывал маленький банк.

Там есть, условно говоря, обязательные постоянные разовые расходы, от которых никуда не деться.

Только масштаб бизнеса позволяет на этом что-то зарабатывать.

Мы своим клиентам не можем транслировать низкие тарифы на эквайринг.

У нас они экономически обоснованы тем, что это не может быть меньше 1,8%.

Соответственно, клиент уходит в тот банк, который может предложить ему более низкий тариф.

По СБП инфраструктурные затраты у всех равные, и они крайне низкие.

Мы один раз понесли такие затраты – и дальше мы уже спокойно работаем на этих «дорогах общего пользования».

И здесь мы сохраняем клиента, эти системы равнодоступные.

Мы понимаем, что при развитии СБП в нужную сторону она убьет карточные системы.

Карточка – это атавизм, так же как и чеки.

Но мы не затронули этот этап.

Да, цифровизация стремится к монополизации.

Да, наверное, при нормальном подходе хорошо, если проекты будут именно национальными и инфраструктурными, не будут иметь целью извлечение прибыли «как в последний раз», а будут стремиться именно к обеспечению затрат для развития самой системы.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Будем подходить к завершению. Нам нужно успеть дать докладчикам заключительные слова, подвести итоги сегодняшнего обсуждения и ответить на вопросы.

Пожалуйста, Эльман.

МЕХТИЕВ Э.О.

Во-первых, СБП – это перевод «счет – счет».

ЦБ заявляет тариф 14 рублей, и все банки его платят, поэтому рубль – нерабочая вещь.

Второе.

Почему карту рассрочки кассир не хочет?

Потому что карта рассрочки – это buy now pay later, у нее комиссия даже не эквайринга, у нее комиссия 10%.

Третье.

Вы видели ответ «Сбера» на то, что пошел разговор об СБП с QR-кодом?

Вас не удивило совпадение того, что, когда QR-код появился на всех терминалах в силу закона, «Сбер» моментально потратил огромные деньги, по-моему, на 150 тысяч точек, и они поменяли POS-терминалы на биометрию?

У меня как у потребителя задача сделать три клика, чтобы оплатить телефоном через СБП по QR-коду, или один раз улыбнуться в терминал.

Как вы думаете, что я предпочту как потребитель?

И меня не волнует, что перевод улыбкой, это платеж картой.

За это заплатит торговая точка чуть больше, чем если бы это было по СБП.

Потому что мне как потребителю, когда у меня за спиной стоит очередь в магазине, удобнее не доставать карту, а заплатить улыбкой, нажать один раз пальчиком, а не три-четыре раза, как это делается с QR-кодом.

Борьба идет не на тарифах, она лежит в области технологических решений, направленных на удобство для физического лица.

Поэтому тут вопрос даже не в том, кто будет получать более низкий тариф с торговой точки, а в том, кто быстрее пропустит через кассу людей в этой торговой точке.

Спасибо.

ГОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо. Коллеги, попрошу всех докладчиков обратить внимание на вопросы в чате.

Единственная просьба – отвечать кратко.

Затем – заключительное слово.

Вопрос от кандидата экономических наук **Шептун Аллы Алексеевны** : «Можно подробнее о “пользе конкуренции”? В чем она и для кого? В частности, в чем польза для клиентов банка? Польза – понятие относительное».

Алла Алексеевна, от Вас очень странно слышать такой вопрос.

Польза конкуренции в том, что если кто-то Вам навязывает комиссию в 5%, да еще от оборота, а кто-то предлагает платить фиксированную комиссию исходя из соответствующих затрат без процентов и так далее, то клиент пойдет туда.

И польза в том, что на конкурентном рынке есть возможность получить альтернативную дешевую, разумную услугу.

Поэтому считаю Ваш вопрос немного риторическим. Алла Алексеевна, надеюсь, я Вас не обидел, я Вас всегда очень хвалю.

Итак, начинаем с первого докладчика. Павел Иванович, Ваше заключительное слово.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

НЕУМЫВАКИН П.И.

к. э. н.

Я постараюсь соединить.

На тему конкуренции тоже можно вспомнить рекламу советского времени.

Одна из них – «Летайте самолетами “Аэрофлота”», другая – «Храните деньги в сберегательной кассе».

Как будто была альтернатива.

Наверное, все согласятся, что лучше альтернатива, чем отсутствие выбора.

Что касается вопросов о трехступенчатой модели, предложенной АРБ.

Напомню, что Россия – это все-таки федеративное государство. Поэтому мы исходили из того, что должна быть усилена роль оставшихся региональных банков в регионах их присутствия.

Для сравнения, в ходе предыдущих обсуждений мы приводили в качестве примера ФРГ.

Тожe федеративное государство, где тем не менее на три крупнейших банка страны приходится всего 25% размера банковских активов. А региональные банки имеют, не в пример РФ, гораздо больший удельный вес именно в федеральных землях.

По мнению промышленного немецкого сектора, это свидетельствует о большей устойчивости банковской системы ФРГ.

У нас, и об этом говорил Михаил Владимирович, есть предложение уйти от остаточного принципа.

Он заключается в том, что, например, когда дается какая-нибудь квота на использование тех или иных льготных программ, даже если банк допущен «к пирогу», 90% средств достается крупнейшим банкам, на небольшие банки остается 10%.

А наше предложение заключалось в следующем.

Если банк признан регионально значимым (а там предъявляются достаточно серьезные требования к банку), то у него в регионе своего присутствия должен быть приоритет с точки зрения возможностей предоставления кредитов малому и среднему бизнесу и так далее.

Наверное, все согласятся, что когда концентрация на 20 крупнейших банках достигает 90%, и эта доля выросла даже в течение 2024 года, это не есть хорошо.

Необходимо увеличивать долю устойчивых средних банков как прослойку, которая была бы менее подвержена воздействию геополитических рисков, тем самым обеспечивая устойчивость банковской системы.

Мы наблюдали подобный эффект в 2022 году, когда достаточно большая прослойка средних банков позволила в значительной степени нивелировать негативное влияние санкций.

Это первая тема.

Задавались и другие вопросы.

Например, в качестве примера неправильной конкуренции приводят слияние «Росбанка» и «Т-Банка», что немного странно.

Это же вопрос решения акционера (конкретно – группы Владимира Потанина) о слиянии двух банков.

Здесь тема конкуренции вообще ни при чем.

При присоединении «Росбанка» к банку «Тинькофф», насколько я могу предположить, мнение предыдущего менеджмента «Росбанка» никто не спрашивал.

Естественно, в ходе такого присоединения часть клиентской базы пропадает.

Тем более «Росбанк» исторически специализировался на обслуживании корпоративных клиентов, которые для банка «Тинькофф» никогда особым приоритетом не были.

Так что это вопрос именно политики конкретного акционера.

И к теме конкуренции, на мой взгляд, отношения не имеет.

Что касается вопроса о предпочтениях от внедрения цифрового рубля.

Здесь для коммерческих банков пока очевидны затраты, о которых мы уже говорили, и возможные дополнительные расходы, связанные с оттоком части ресурсной базы.

Насколько известно по проектам нормативных актов, за хранение денег в цифровых рублях клиенты банков никаких денег получать не будут.

А если отток пассивов произойдет, то это в какой-то степени станет для банков удорожанием их оставшейся пассивной базы.

Что касается доходов.

Так как пока реального внедрения мы не получили, доходы, если и будут, то минимальными.

Кстати говоря, на сегодняшний день нет ни одной крупнейшей экономики мира, где запущена цифровая валюта.

Здесь мы идем, насколько мы в курсе, немного с опережением всей планеты.

Уже упоминалось о банковской системе США.

Приведу небольшую справку.

Сенат США отказался от внедрения цифрового доллара, объясняя это тем, что Конгресс не поддерживает тему так называемого «внедрения цифрового рабства» для граждан Соединенных Штатов, так как это будет в значительной степени ограничивать их права.

Так что США в данном случае тоже не совсем показатель.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Следующим докладчиком был Михаил Волков.

ВОЛКОВ М.В.

Попытаюсь ответить на вопрос **Якунина Сергея Вадимовича**, профессора Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина.

«Санкции США затронули не только “Газпромбанк” (о котором все говорят), но и региональные банки. Как Вы считаете, к чему это приведет с точки зрения конкуренции региональных банков на банковском рынке страны?»

Честно говоря, наш банк не под санкциями.

Но каких-то больших отличий в работе по сравнению с банками под санкциями у нас нет.

Вместе с тем у нас есть прямые отношения, например, с китайскими банками и с банками из ближнего зарубежья.

Во всех остальных операциях мы не так сильно зависим от зарубежных организаций, чтобы видеть какие-то большие угрозы.

Что касается изменения ландшафта по международным расчетам.

Там уже отработаны «тропы Хо Ши Мина» – альтернативные каналы расчетов, напрямую не затрагивающие банковскую систему.

Думаю, что ничего страшного не будет.

Второй вопрос задал профессор Сибирского федерального университета из Красноярска **Куимов Василий Васильевич**.

«Идет важнейший переход на экосистемные, цифровые платформенные форматы взаимодействия всех участников рынка, в том числе и банков.

Но как-то это не обсуждается.

В цифровых экономиках, и особенно с цифровыми валютами, существенно трансформируются условия получения результата, то есть доходов и прибыли.

Было бы желательно услышать мнение докладчиков об этой проблеме».

Я никогда не делал себе кумира из цифровизации и из всего, что с ней связано.

Что касается экосистем, это все-таки способ «увеличения глубины пенетрации в клиента», как любят говорить маркетологи.

Кому-то нравится улыбаться «большому зеленому другу»...

Рано или поздно, когда ты находишься в экосистеме, не важно, цифровая она или нет, мне кажется, любой человек, у которого есть какое-то чувство свободы, ощущает и ограничения, накладываемые этой экосистемой.

Как совершенно верно заметили коллеги, любая экосистема стремится к тому, чтобы все услуги клиент получил внутри этой экосистемы.

Таким образом, он становится привязанным к ней.

Как только это происходит, тут же хозяин этой экосистемы начинает злоупотреблять качеством.

В этом монополизм экосистем.

На этапе становления экосистемы переманивание клиента дает определенные конкурентные преимущества и удобства.

В конце концов все заканчивается примерно одним и тем же: любой монополист начинает чуть-чуть «загнивать».

Теперь о цифровом ландшафте.

Все равно за всеми цифровыми ландшафтами и средствами я вижу прежде всего базовые расчетные функции, кредитные функции банков, финансовой системы.

По большому счету, меняется только форма, меняются упаковки, но суть их остается неизменной в течение уже нескольких тысяч лет, по крайней мере, тысячи с лишним, это точно.

А что это: карточка, вексель, который на лошади везут, или улыбка в камеру – все это только форма упаковки. От этого ничего не меняется.

Это на мой взгляд.

Я более спокойно отношусь к таким вещам.

Каковы общий вывод и предложения по развитию конкуренции?

Я согласен с тезисом коллег о том, что в цифровом мире монополизация – это в некотором смысле естественное явление.

Есть операционная система Windows, есть операционная система Linux, на которую мы пытаемся перейти сейчас с большой болью.

От добра добра не ищут: если она хорошо работает, то зачем тебе что-то менять и пробовать что-то иное?

6 декабря 2024 года исполнится 35 лет нашему банку.

Все эти годы мы боремся с монополизмом за лучшую конкурентную среду.

И эта борьба позволяет нам быть более стойкими, более крепкими, что и подчеркивает важность и необходимость конкуренции.

Она не только позволяет улучшать качество услуг для населения, но и заставляет выживать крепких, сильных и бодрых духом.

Поэтому наши предложения по поводу развития конкуренции: не душить уж совсем прямо императивно, и на том спасибо.

Спасибо, коллеги.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Следующим докладчиком был Эльман Мехтиев, пожалуйста, Вам заключительное слово.

МЕХТИЕВ Э.О.

Постараюсь быть кратким.

Мой вывод, который я вынес бы из этой дискуссии.

Регулирование, если это регулирование профильного рынка, должно учитывать, что есть бизнес-модели и необходимо просчитывать не только уже известные последствия их внедрения, но и будущие.

Только тогда это регулирование, в том числе касающееся конкурентной или неконкурентной среды, может противостоять другой конкуренции.

Называем вещи своими именами.

Порой принимается слишком много популистских неграмотных решений, которые приводят к ухудшению ситуации на рынке, в том числе к ухудшению ситуации для потребителей.

По поводу цифровой экономики.

Я бы процитировал Энгельса, который отмечал, что в истории очень часто случается так, что верхние этажи здания строятся раньше, чем фундамент.

Что имелось в виду? Приведу примеры.

Мы считаем, что паровоз Черепанова был придуман раньше, но он оказался не востребован.

Это свидетельствовало о неготовности экономики.

А паровоз, который был придуман позднее в Великобритании, оказался востребован.

Аналогично по поводу цифровой экономики.

Цифровая экономика – это экономика цифровых товаров и услуг.

Давайте не будем путать с цифровизацией каналов, по которым передаются информация, финансовые сообщения и прочее.

Это все еще не цифровая экономика.

То же самое с цифровым рублем.

Было сказано, что нигде не было апробации цифровой валюты Центрального банка.

Правда, в Китае осуществлялся пилотный проект почти в течение года. Госслужащие получали половину компенсации на проезд цифровым юанем. «Пилот» был закрыт в связи с тем, что он ничего не дал ни потребителям, ни государству.

Поэтому вопрос, действительно, в другом. В том, что цифровая валюта – это то же самое, что и валюта цифровой экономики.

Экономика не цифровая, и привязывание ее цифрового рубля к социальным компенсациям, к продуктовым карточкам не нужно.

Есть гораздо более простые способы.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Далее Борис Борисович Воронин, пожалуйста.

ВОРОНИН Б.Б.

Спасибо. Кратко скажу об итогах дискуссии.

Мне кажется, что очень важно не обманывать себя тем, что конкуренция уходит, потому что приходят технологии.

Пришла цифровизация – и ушла конкуренция, это не так.

В XIX веке тоже были свои технологии, тогда как раз, кстати, родились современные антимонопольные подходы. Они относительно молодые, им всего-то 125 лет.

Конечно, если каким-то образом уходит конкуренция, то приходит монополия.

А если приходит монополия, значит, должно появиться прямое регулирование.

Тут альтернативы нет, и все эти паллиативы, конечно, штука сугубо политическая.

Я бы еще уточнил цель конкуренции.

Все-таки, наверное, это максимизация прибыли.

А максимизация прибыли в теории получается при монополии.

При современном антимонопольном регулировании монополия не может получить максимизацию прибыли.

Значит, все-таки надо искать рынок, делить на двух-трех участников. Тогда, наверное, и можно получить максимизацию прибыли.

В любом случае будем ориентироваться на клиентов, хотя не надо забывать и про участников, потому что без них не будет услуг.

Всегда лучше олигополия, дуополия под приглядом ФАС, чем один государственный монопольный участник без всякого контроля, как мы имеем сейчас.

Далее.

Мы видим вмешательство государства в определенной доходной отрасли.

Оно очень слабо обосновано, в основном некоей универсальной безопасностью и просто важностью.

То есть пришел лесник, разогнал всех, забрал избушку себе.

На практике идет конкуренция разных с разными.

То есть мы видим, что богатые тоже плачут, в смысле «Сбер» тоже попадает под раздачу в такой конструкции.

Наверное, я соглашусь с Игорем Эдуардовичем Логиновым, который сказал о том, что важно построить какую-то карту, наверное, «карту конкуренции».

Действительно, здесь много участников, много разных сторон, то есть монополист может страдать от государственного монополиста, а участники и клиенты могут в каких-то случаях выигрывать.

Надо понять и отделить постройку дороги общего пользования от постройки единственной дороги, на которой стоит шлагбаум, и на этом кто-то зарабатывает.

Вот о чем я хотел сказать, спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Борис.

Пожалуйста, Александр Надмитов, Вам заключительное слово.

НАДМИТОВ А.Н.

Большое спасибо.

Я во многом согласен с коллегами.

Думаю, стоит следить за тем, чтобы крупные игроки, особенно в сфере инфраструктуры, не становились конкурентами частному сектору.

Хотя, как верно отметил предыдущий выступающий, необходимо оценивать конкретные эффекты.

В ряде случаев, как показал пример Системы быстрых платежей, это привело к развитию конкуренции.

Что касается банковских маркетплейсов, я полагаю, что не следует их сейчас излишне ограничивать, поскольку они пока развиваются лишь в своих нишах и в целом способствуют усилению конкуренции.

Поэтому, возможно, стоит дать им возможность и дальше расти в своих сегментах.

Может быть, стоит последовать примеру Еврокомиссии в отношении «Apple» и попытаться реализовать аналогичный подход в условиях России?

Необходимо потребовать от «Apple» предоставить доступ к своему NFC-чипу сторонним разработчикам – хотя бы для системы «Мир» или других отечественных решений, потому что в конечном счете страдает потребитель.

Приведу простой пример.

До 2022 года я практически никогда не носил с собой карту, расплачиваясь повсюду телефоном.

Сейчас такой возможности нет, и приходится всегда иметь при себе карту.

Это наглядно демонстрирует ситуацию, когда у регулятора есть реальная возможность принять решение, полезное для конечных пользователей.

Спасибо за внимание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Коллеги, в своем заключительном слове попробую дать некоторые комментарии. Я выделю ряд важных позиций, которые уже были сформулированы, некоторые из них прокомментирую.

Тема конкуренции на самом деле раскрыта лишь частично по той простой причине, что она, наверное, бесконечна. Она слишком глубокая, слишком сложная, затрагивает многие вопросы, которые в нашей стране имеют свою специфику.

В частности, кто-то из докладчиков – кажется, Борис Воронин – сказал, что бизнес-интересы очень часто подменяются интересами отдельных участников рынка.

Это очень характерно для России, хотя в других странах это тоже существует. Поэтому чрезмерным самобичеванием заниматься не надо.

Но стоит понимать, что у нас эта подмена происходит и что это одна из причин, почему – в образном выражении Бориса Борисовича – чтобы победить одного дракона, нужно придумать своего.

По ряду примеров критика оправданна, по некоторым она требует осмысления. С одной стороны, НСПК действительно была создана в период, когда мы вынуждены были действовать в условиях санкций.

С другой стороны, даже если ты создаешь своего дракона, надо учитывать опыт предыдущего дракона, которого свергли.

Здесь важно проанализировать и понять, что тебя больше всего не удовлетворяло в нем.

Если созданная Система быстрых платежей, которая обслуживает граждан, действительно работает очень оперативно, качественно, не требует комиссии, то против такой монополии сильно возражать было бы несправедливо.

Госмонополия имеет право на жизнь, если она обеспечивает потребности общества, граждан и участников рынка.

Другое дело, есть некоторые опасения, что, если завтра СБП закрепится как абсолютная госмонополия и начнут вводиться тарифы, уже никто не сможет противопоставить этой системе свои тарифы.

Этот рынок будет абсолютно завоеван государством. Нам известны подобные примеры многих других госмонополий.

Я неоднократно говорил о том, что самая большая инфляция в нулевые годы была обеспечена ростом тарифов, среди которых тарифы на электричество и услуги ЖКХ.

Государство, получив исключительное право на реализацию услуг в этой сфере, стало взвинчивать тарифы. Это и повлекло за собой серьезную инфляцию.

Все это мы на ряде наших обсуждений просчитывали и доказывали.

Кто-то из выступающих сказал, что Россия – это страна победивших бесплатных переводов.

Мы можем этим гордиться.

Давайте мы будем страной победивших бесплатных переводов.

Давайте мы будем страной победившей высокой социальной поддержки населения.

Давайте мы будем страной бесплатных дорог, если бы они у нас, конечно, были нормальные.

То есть вопрос спорный, всегда ли можно считать монополию государства недопустимой.

Была высказана мысль о том, что цифровизация ведет к большей монополии.

Цифровизация или цифровой рубль?

Цифровизация, куда она ведет?

С одной стороны, альтернативно она завоевывает рынок. Другое дело, как ее использовать.

Если с ее помощью монополизировать отдельные сегменты рынка, конкуренция, очевидно, сокращается.

Яркий пример – банки, которые для подключения к цифровому рублю должны потратить от 90 до 150 миллионов рублей.

Понятно, что отсекается значительная часть участников рынка, особенно если это еще и навязывается банкам – обязательно работать на этой платформе. Те, кому не под силу тратить такие бюджеты на цифровой рубль, который не нужен ни им, ни их клиентам, могут просто обанкротиться.

Несмотря на очевидные риски, это не означает, что надо отменить движение в сторону цифровизации.

Кто-то очень правильно прокомментировал, что цифровой рубль и цифровизация экономики – это несколько разные вещи.

Технологическая цифровизация дает массу преимуществ и активное движение в сторону технического прогресса.

Самый наглядный пример приводился относительно инкассации.

Одно дело – перевозить наличные деньги на машинах, совсем другое – осуществлять безналичные платежи.

Если в первом случае логично брать комиссию за перевоз денег, поскольку это дорогостоящее удовольствие, то во втором случае брать комиссию нелогично.

Там деньги – это и объем, и риски. А здесь – сколько бы нулей в платежке ни значилось, на затраты в техническом плане это никак не влияет, никаких рисков за собой не несет, и понятно, что расходы совершенно иные.

Поэтому вопрос не в том, чтобы бороться с цифровизацией или, наоборот, ее всемерно отстаивать, а в том, чтобы не злоупотребляли те, кто имеет возможности на этом сегменте весь рынок подмять под себя.

На международном уровне видно, что цифровизация, к сожалению, в определенной степени способствует монополизации.

Что касается моего уточнения Алле Алексеевне Шептун по поводу конкурентной борьбы. Я ее так часто цитирую, что ее уже надо в классики возвести.

Еще один ее вопрос.

«Конкурентная борьба – это борьба за что?

За масштабы бизнеса, за место в рейтинге, за дополнительные ресурсы, за клиента, за имидж?

Что стоит на первом месте?»

Ничего на первом месте не стоит.

Это борьба и за то, и за другое, и за третье.

За клиента – в первую очередь. За прибыль – естественно.

Когда ты побеждаешь в конкуренции, ты увеличиваешь свою долю в бизнесе, конечно же, получаешь определенные преимущества, ты можешь получать большие доходы и так далее.

Возвращусь к своей мысли, что для отдельного участника рынка цель конкуренции – это монополизация.

С точки зрения интересов общества цель – это как раз не монополизация, а борьба с монополизацией.

Но с точки зрения отдельно взятого участника цель конкуренции – это завоевывание большего сегмента рынка.

Совсем не обязательно подминать под себя весь рынок. Задача участника, стремящегося стать монополистом, – потеснить конкурентов на рынке, чтобы завоевать как можно большую его часть и, занимая высокое место в рейтинге, получать дополнительные возможности за счет дополнительных клиентов.

В этом смысл.

Преимущества, которые конкуренция дает обществу, – это возможность получать услугу за более низкую цену. Это самый мощный фактор снижения цены. Кстати, и самый мощный фактор снижения инфляции. Инфляция очень не любит конкурентную среду.

Здесь было сказано, что за транзакции цифрового рубля ЦБ будет взимать комиссии.

Кто сказал, что ЦБ за транзакции в цифровом рубле должен взимать комиссии, да еще от суммы транзакции? Это вообще было бы безумием.

Государственный орган, вводя инструмент, обеспечивающий контроль, особенно за бюджетными средствами, обеспечивающий альтернативу для быстроты, качества и контроля, при этом еще будет взимать плату?

Я очень надеюсь, что до этого абсурда никто не додумается. Это мое мнение.

По вопросу кешбэка.

Действительно, высказана совершенно справедливая мысль. Продавец закладывает кешбэк в стоимость товара. Участники, которые им не пользуются, вынуждены переплачивать.

Конечно, я согласен, здесь есть некий иррационализм.

Если я не ошибаюсь, в Европе кешбэки запрещены.

И если они запрещены, то именно по этой причине. Что такая «морковка», которой привлекается часть клиентов, фактически перекладывает нагрузку на остальных.

Если рассматривать отдельные финансовые операции и многие другие мотивирующие инструменты, то они, конечно, работают в пользу одних, но против других.

Когда повышают мотивацию или назначают льготы, определяют какие-то другие способы делания подарков, и они более точечные, адресные.

Это точно так же, как в вопросах налогообложения, социальных дотаций или льготного кредитования.

Хотите обеспечить льготу семьям, наиболее незащищенной части населения – делайте точечные льготы.

Зачем делать льготы общего плана, которыми могут воспользоваться и те, кто в этих льготах не нуждается?

Конечно, тут есть вопрос.

Мы сегодня уже провели некую полемику, но до конца эту проблему не обсудили.

Если говорить в целом о сегодняшнем заседании.

Во-первых, я хочу поблагодарить всех докладчиков, потому что все сделали очень хорошие доклады.

Но тема эта, безусловно, неисчерпаема. Тем более что в нашем обществе пока идет значительный тренд не в сторону обеспечения справедливой конкуренции, а больше в обратную сторону.

Есть, конечно, положительные результаты.

Приводились примеры по поводу ЖКХ, других шагов со стороны антимонопольной службы.

Но мы должны понимать, что в сегодняшней ситуации в сегменте финансового рынка цифры наглядно, красноречиво показывают очевидный тренд в сторону монополизации.

Это очень серьезная опасность, потому что уже пару лет мы фиксируем рекордные прибыли банков, и очень этим гордимся.

Наверное, по итогам этого года мы тоже будем гордиться рекордными прибылями банков. Но когда смотришь на структуру этой рекордной прибыли, то оказывается, 50–60% принадлежит одному банку.

А если брать 90%, этот рекорд прибыли принадлежит пяти банкам.

В докладах и выступлениях часто упоминалось активное, а иногда и доминирующее участие государства в банковской системе.

Коллеги, но в таком случае необходимо хотя бы обеспечить через эти банки низкие комиссии и низкую процентную ставку.

А то получается, где можно получить прибыль – там государственное участие. А там, где должна проявиться воля государства по снижению процентных ставок, по снижению комиссии, она не прослеживается.

Потому что ставки у банков с госучастием более чем высокие. Пользуются льготами они в большем объеме. Но потребитель от этого никакой пользы не получает.

Спрашивается, эта в некотором смысле псевдомонополия государства на финансовом рынке для чего?

Это как с тарифами на ЖКХ, на электричество, на дороги и так далее...

Для чего тогда государство устанавливает и поощряет монополию?

По-хорошему, для того чтобы снижать стоимость банковских услуг для населения.

Мы ничего подобного не увидели, но зато увидели рекордные прибыли, которые потом используются, как в частном секторе.

Кому они душу греют, я думаю, всем понятно.

В этом смысле самую большую опасность вызывает этот отрицательный тренд, против чего АРБ выступает уже больше 10 лет. Потому что проблема конкуренции на финансовом рынке и среди банков – это важнейший фактор эффективности всей экономики.

Здесь приводились цифры по количеству банков в Германии, Америке, Великобритании.

В Америке 5000 банков – это один из показателей, обеспечивающих конкуренцию.

В Германии 20 000 банков, хотя очень часто можно услышать, что там чуть ли не 60–70 банков.

Ничего подобного.

В Великобритании, где 6 крупнейших банков на самом деле есть финансовые организации, которые фактически являются банками, их тоже больше 10 000. Поэтому жаль, что мы не понимаем, что сами сузили рынок.

В самом начале прозвучал вопрос, адресованный мне и Павлу Ивановичу, по поводу того, что может дать предлагаемая нами трехуровневая система.

Я не за то, чтобы выстраивать уровни в банковской системе. Основная мысль этого предложения заключается в следующем.

Если государство принимает участие в банковской сфере, то его роль должна быть направлена на обеспечение доступности услуг для населения в целом.

Взять, к примеру, специализированные банки по развитию жилья, например, «ДОМ.РФ», или банки по развитию малого и среднего бизнеса. В этом случае оправданна роль государства, направленная на обеспечение и развитие МСП, на развитие жилищного строительства, на развитие ипотечного кредитования.

Доступность услуг означает снижение стоимости на эти услуги. Тогда понятно, это один из уровней, оправдывающий участие государства.

Другой уровень, на котором мы тоже делаем акцент, направлен на развитие территорий.

В региональном плане банковская система у нас усыхает.

Уже почти в 30 регионах нет своих банков, а есть только филиалы, которые работают совсем по другой схеме – как обезличенный конвейер.

В банке должен быть режим работы В2В.

Если практически исчезает эта система в регионах, то это сильно отражается на их экономическом развитии.

И если здесь государство принимает участие, так пусть поддержит и отрасли, и регионы.

Конечно, я высказываю крайнюю точку зрения о том, что государству не стоит так активно принимать участие в бизнесе, в том числе банковском.

А уж если это происходит, было бы правильно хотя бы объяснить и оправдать свое участие.

На этой мажорной ноте я хотел бы закончить.

Конечно, такие простейшие вещи, что олигополия лучше, чем монополия, а конкуренция лучше, чем олигополия, тоже можно выстроить в целый ряд.

Кто-то из коллег высказывал мысль, что, очевидно, это является преимуществом, когда обеспечивается более широкий доступ по сравнению с более узким доступом.

Я об этом уже говорил.

Поэтому давайте завершим наше сегодняшнее заседание.

Мы уложились в 3,5 часа, а это уже для нас большое достижение.

Всем здоровья, удачи и всего хорошего!

Спасибо, коллеги, до свидания.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий»
президента АРБ и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.

8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «Особый». 2023-й риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.

16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.

23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023) Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.

31. Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмeна, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
33. 2023-й итоги. 2024-й перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
35. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
36. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
37. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
38. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.
39. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.

40. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.
41. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.
42. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
43. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.
44. Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (19.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.
45. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
46. Наука и власть (5.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 206 с.
47. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.
48. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.

49. Роль институтов в развитии общества (14.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с.
50. Инфляция у каждого своя: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (17.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 108 с.
51. Завершился 2024 год. Что дальше? (31.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 97 с.
52. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.
53. Коррупция в Китае (22.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 143 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Конкуренция на финансовом рынке

Материалы заседания 30 ноября 2024 года

Презентации докладчиков
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 05.02.2026
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 14

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института – многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.